Произведения победителей (лауреатов и дипломантов) Шестого межрегионального литературного конкурса «Ты сердца не жалей, поэт» - Публицистика

Номинация «Публицистика»

Белый Константин Владимирович (персональный номер участника - 81)
Харисов Хабир Кабирович (Николай Таёжный) (90)
Потапов Александр Николаевич (66)
Япринцева Любовь (96)
Тюшина Екатерина Ивановна (111)
Канавщиков Андрей Борисович (124)
Каюшкин Дмитрий Владимирович (112)
Синицкий Геннадий Николаевич (33)

Первое место (золото) и звание лауреата. **Белый Константин Владимирович** – родился в 1971 году в Москве. Окончил Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова по специальности биофизика. Кандидат педагогических наук. Российский спортсмен, тренер и спортивный организатор в области единоборств. Мастер спорта России по каратэ Кёкусинкай. Заслуженный тренер России. Член Союза журналистов и член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Русский офицер Советской армии

Улицы

Москва всегда была знаменита своими закоулками, переулками и тупиками, многие из которых хранят память о знаменитых событиях или уникальных людях. Не являются исключением и наши дни. Если в Москве выйти из метро «*Аэропорт*» через вестибюль, расположенный в «*сталинке*», то не сразу можно понять, что оказался на некогда крупной площади, образованной Ленинградским проспектом и тремя улицами. История эта достаточно любопытна и многопланова.

По генеральному плану развития Москвы 1951 года здесь рядом с метро должно было пройти «*четвёртое*» кольцо Москвы. Этот проект так и не был реализован. Правда, идея сооружения этого «*четвертого*» кольца вновь возникла более сорока лет спустя, но его новая траектория была уже запланирована севернее – рядом с метро «Сокол», там, где по старому Генплану планировалось сооружение «*пятого*» кольца. В девяностые годы его даже стали строить, но вскоре концепция была изменена, и кольцо разделили на несколько участков-рокад. Так, у метро «*Сокол*» был сооружен Алабяно-Балтийский туннель Северо-западной хорды.

С отказом от плана строительства туннеля рядом с метро «*Аэропорт*», изменилась и судьба площади. Находившиеся здесь рабочие проезды превратились в улицы: в 1961 году Отцовский проезд получил имя Черняховского, в 1965 году 1-ый и 2-ой проезды Аэропорта стали улицами Викторенко и Острякова, а сама площадь была переименована в 1985 году в честь руководителя компартии Германии Эрнста Тельмана.

Но трансформации улиц на этом не прекратились. Постоянные работы по расширению Ленинградского проспекта практически уничтожили эту площадь, ну а окончательно её добило возведение здесь в начале нулевых годов торгового центра. Сейчас всё, что осталось от некогда огромной площади – пятачок вокруг памятника Тельману. Судьба улиц же сложилась по-разному. Расположенные на противоположной стороне проспекта относительно памятника улицы

Викторенко и Острякова практически не пострадали, а вот начало улицы Черняховского, на углу которой и расположен выход из метро, было уничтожена – её перекрыло крыло от торгового центра. Сейчас улица Черняховского начинается тупиком, а заканчивается в промзоне, имея проезжую часть между светофорами длиной около четырёхсот метров. Идя по этой малозаметной улице Москвы, сложно себе представить, что у неё по всей России и странам бывшего СССР более ста сестер – улиц, носящих то же самое имя. Только в городах Московской области их около десятка – в Видном, Сходне, Коломне, Балашихе, Домодедове, Хотькове и других.

Казалось бы – ну и что здесь такого? Подобных примеров – десятки, а подавляющее число прохожих даже не задумывается в честь кого названа та или иная улица. Но в данном случае это особенно прискорбно. Ведь она названа в честь уникального военачальника, чьи достижения даже для богатейшей воинской истории России выглядят невероятными. Имя этого выдающегося, если не сказать – гениального, полководца русской земли, казалось бы, шагнувшего в советское время из эпохи великих побед русского оружия XVII-XIX веков – Иван Данилович Черняховский.

Победы

Это не преувеличение. За всю Великую Отечественную войну Иван Черняховский не потерпел ни одного поражения! Случалось даже, что противник уже докладывал своему командованию об уничтожении дивизии или корпуса Черняховского, а он неожиданно переходил в контрнаступление и побеждал, как было в Литве в начале войны или под Новгородом.

Многие эксперты считают, что именно Черняховский заложил основы ведения современной войны, делая ставку на чёткое взаимодействие и слаженность всех видов и родов войск – а именно их разнообразием из-за появления новых видов вооружения Вторая мировая война отличалась от Первой, а, тем более, от войн предыдущих столетий. Благодаря такому подходу, Черняховский совершал чудеса: брал укрепленные города за несколько часов, взламывал неприступные линии обороны. Во время начала войны он не просто защитил вверенный рубеж, но, командуя 28-ой танковой дивизией, в первом же бою 23 июня в районе Калтиненай в Литве не только отбросил врага на пять километров, но и перешёл на территорию врага!

В честь побед, одержанных войсками под руководством Черняховского, за время войны в Москве 34 раза давали салют. Ни один полководец, включая и «*маршала Победы*» Жукова, не достиг такого результата! Черняховский освободил три столицы Союзных республик – Киев, Минск, Вильнюс, и несколько нынешних региональных столиц – Курск, Воронеж, Калининград, Орел. Он разбил четырёх фельдмаршалов германского рейха, начавших военную карьеру ещё в годы Первой мировой войны – Манштейна, Буша, Моделя, Рейнгардта. Наступал даже тогда, когда остальные отступали. Стал Героем, а затем дважды Героем Советского Союза раньше, чем Рокоссовский. Был награждён четырьмя орденами Боевого Красного знамени – на один больше, чем Жуков.

И эти достижения Верховное командование видело и ценило. Начав войну комдивом в чине подполковника – одним из тысяч! – он последовательно прошел все ступени должностей и званий – от комкора до командующего 3-им Белорусским фронтом в чине генерала армии, которым он стал в 37 лет! А когда Черняховскому было 38 лет, Сталин подписал приказ о присвоении ему звания маршала. Совершенно невероятно для жёстко-иерархичной советской системы! Такого не было ни до, ни после этого. К сожалению, объявить об этом присвоении не успели, хотя погоны уже были пришиты к кителю генерала. Приказ должен был быть обнародован 23 февраля 1945 года, а 18 февраля 1945 года, за 2 месяца до конца войны на завершающей стадии взятия неприступного Кёнигсберга, генерал армии Иван Черняховский погиб.

Обстоятельства смерти очень неясны. Существуют, как минимум, 4 версии произошедшего. От несчастного случая при случайном обстреле до убийства по приказу Сталина, от рокового невезения до выстрела из советского танка по «*особисту*», ехавшему следом за машиной Черняховского, и за 5 минут до этого расстрелявшего на месте командира этого танка. Странный разрыв одиночного снаряда и осколок, прошедший сквозь машину и сердце Черняховского, но не задевший никого больше.

Архетип

Но ещё более поразительным является то, что родившийся в 1906 году Иван Черняховский, жизнь которого оборвалась в исторических мерках-то не так уж давно – менее восьмидесяти лет назад, словно бы пришёл к нам из прошлых веков, воплотив в себе все лучшие качества русских воинов, офицеров и военачальников. Знакомясь с историей жизни Ивана Даниловича, ловишь себя на мысли, что он как бы воплощает в себе архетипические черты великих русских полководцев, сохраняющиеся на протяжении столетий.

Сам факт того, что он – сын конюха, начинавший трудовую карьеру пастухом, стал генералом армии и без пяти дней маршалом, делает его фигуру в каком-то смысле мифической, пришедшей из древних былин. Его воинский путь напоминает судьбу жившего за 200 лет до Черняховского Василия Михайловича Долгорукова-Крымского, который вырос от солдата, в которые его отдали, лишив дворянства, до генерал-аншефа – то есть, тоже генерала армии.

Военачальник высшего уровня, Черняховский демонстрировал качества истинного русского солдата – бесстрашие и смелость. Многие отмечают это в своих воспоминаниях. Например, его сослуживцы описывали случай, когда Черняховский один из всего штаба остался стоять в полный рост во время обстрела передовой. Показательно и то, что в первые дни войны, он, будучи комдивом, дважды сам на танке принимал участие в бою. А при форсировании Днепра он перебрался на другой берег сразу после десанта, и лично руководил операцией на передовой.

Присутствовала у Черняховского и ещё одна знаковая черта русского военачальника – забота о солдатах и их жизнях. Как было сказано о таких командирах у Лермонтова: «Слуга царю, отец солдатам». Вот что писал о нём Константин Рокоссовский: «*Это был замечательный командующий. Молодой, культурный, жизнерадостный. Изумительный человек! Было видно, что в армии его очень любят. Это сразу бросается в глаза. Если к командарму подходят докладывать не с дрожью в голосе, а с улыбкой, то понимаешь, что он достиг многого. Командиры всех рангов остро чувствуют отношение старшего начальника, и, наверное, мечта каждого из нас – поставить себя так, чтобы люди с радостью выполняли все твои распоряжения*». А вот что вспоминает маршал Василевский: «*Солдаты, офицеры и генералы любили своего командующего, прежде всего за человечность и заботу о них, за отвагу и бесстрашие, за твёрдость и настойчивость при проведении в жизнь решений, за прямоту и простоту в обращении, за гуманность и выдержку, за требовательность к себе и к подчинённым. Да, он был строг и требователен. Но никогда не позволял себе унижать достоинство человека…*»

В его армии процент потерь был очень маленьким. Это достигалось тщательнейшим планированием операции. Записи в дневниках Черняховского говорят о его концептуальной позиции при их разработке: стремлении к совершенству, желании улучшить и без того хороший план. Вот ещё из воспоминаний Василевского: «*Хорошее знание войск, многообразной и сложной боевой техники, умелое использование опыта других, глубокие теоретические знания позволяли Черняховскому отлично управлять войсками, входившими в состав его фронта, решать сложнейшие задачи, которые ставило перед ним Верховное Главнокомандование. В бою Черняховский находился на*

наиболее ответственных участках, внимательно следя за действиями своих войск и противником. Он чутко прислушивался к мнению подчиненных. Смело использовал всё новое и полезное в обучении войск и организации боя».

И ещё одно качество Черняховского, о котором нельзя не упомянуть: Черняховский – сын конюха! – был прекрасно образован, отлично играл на рояле. По воспоминаниям сослуживцев, Черняховский был не только предельно вежлив, но и категорически не использовал нецензурной лексики и грубости, и не допускал её у подчиненных. И тут Черняховский опять встает в один ряд с легендарными офицерами и военачальниками прошлого, разительно отличаясь от многих своих современников. При этом, уважительное отношение к подчиненным у Черняховского соединялось с твёрдым отстаиванием своих позиций перед начальством, готовностью спорить с ним и ставить ему условия. Например, получив от Сталина в 1944 году предложение возглавить 3-й Белорусский фронт, Черняховский потребовал убрать с фронта члена Военного совета Мехлиса – и его требование было выполнено. А как-то раз на вопрос Жукова, приехавшего к нему в штаб: «Сколько времени вам понадобится для подготовки?» Ответил: «Без Вашего участия – час, с Вашим участием и до вечера не разберёмся». Жукову ничего не оставалось, как уехать.

Память

Именно в честь этого уникального человека, именем которого можно и нужно называть центральные проспекты освобожденных им городов, названа скромная улица на Северо-Западе Москвы. Да и ту не пощадили новые времена. Как не пощадили они и память Ивана Черняховского в некоторых из тех освобожденных им городах, которые сейчас находятся за пределами России.

Так, первый удар по памяти гениального полководца нанесла Литва, в нынешней столице которой – Вильнюсе – и был похоронен Иван Данилович. Именно в Вильнюсе был установлен и памятник Черняховскому в благодарность за спасение древнего города от уничтожения: Черняховский брал его без обязательной артподготовки, стремясь сохранить его уникальную архитектуру. Так вот, в 1992 году – практически сразу после обретения Литвой независимости – монумент был демонтирован.

Этот памятник принял Воронеж, где тот был установлен на площади перед вокзалом, сейчас носящей имя Черняховского. Воронеж был выбран потому, что именно 60-ая армия генерала освободила этот «второй Сталинград» – город, который также был уничтожен во время войны на девяносто процентов. Именно за освобождение Воронежа Черняховскому было присвоено звание генерал-лейтенанта с награждением орденом Красного Знамени.

Ну а прах Ивана Даниловича был перенесен из Вильнюса в Москву на Новодевичье кладбище. На могильном памятнике он изображен молодым генералом армии, а на граните вместо эпитафии – список городов, освобожденных войсками под командованием Черняховского. Среди них и тот самый спасенный им Вильнюс, отказавшийся от памяти своего освободителя.

Ну а совсем недавнее время принесло ещё одно покушение на память Черняховского. 17 сентября 2015 года польские власти, несмотря на протесты России, демонтировали памятник Черняховскому, установленный на месте гибели генерала близ г. Пененжно. И такое поведение западных соседей России, ставшее нормой, уже не удивляет нас.

Больше вопросов вызывает небрежное сохранение памяти героев русской земли в самой России. И невнимательность к своей удивительной истории самих россиян. А ведь зачастую, чтобы найти эту Настоящую Россию не надо даже никуда ездить – иногда достаточно только прочитать название

улицы, на которой живешь. К счастью, 18 февраля 2016 года на улице Черняховского в Москве был открыт памятник этому уникальному русскому офицеру советской армии.

Второе место (серебро) и звание лауреата. **Харисов Хабир Кабирович** (**Николай Таёжный**) – родился в 1957 году в Челябинской области. Окончил Свердловский горный институт. Геофизик, журналист. Работал в Западной Сибири и Забайкалье, на Кубани, в Калининградской области и на Таймыре. Член Союза писателей России. Лауреат ряда литературных и журналистских конкурсов. Живет в пос. Солнечный Челябинской области.

Коврик, коврик…

– Эйи, эйи… –

Бабушка Шарифа, соглашаясь со словами собеседницы, эхом отзывается, умиротворяюще кивая головой в цветастом платочке, повязанном для удобства на затылке двумя тугими узелками. Торчащие сзади концы платочка, словно заячьи уши, в такт кивкам головы хозяйки покачиваются также согласно и убедительно, и мелко подрагивают, отзываясь на широкие и резкие движения

больших жилистых рук её, теребящих нежный пушок распластавшегося на коленях бабушки безжизненного тельца гуся. Бабушка Шарифа сидит плотно и усадисто на старой фуфайке, подложенной для мягкости меж жёстких ножек табуретки, опрокинутой набок, – так бабушке сидеть и работать удобней, щадя согбенную спину, прежде статную, гордую спину, звеневшую когда-то в такт быстрым шагам красавицы Шарифы блескучими монистами. Впрочем, юной красавицей увидеть сейчас бабушку Шарифу сложно будет каждому, кто не слышал неспешных рассказов стариков о прежних временах, не прислушивался к песням протяжным соседских женщин, долгими зимними вечерами собиравшихся за пряжей.

Тётушка Шарифа считалась среди женщин самой искусной прядильщицей, умевшей прясть многоцветную нить, совершенно не глядя ни на моток шерсти прямо перед лицом, ни на крутившийся будто сам по себе у ног её волчок с равномерно наматывающейся пушистой нитью. Она и запевала всегда, выждав момент, когда наговорятся женщины, обсудят все горячие деревенские новости, и нахохочутся, подшучивая друг над дружкой, и примолкнут вдруг, задумавшись о чём-то своём, и каждой станет понятно, что наступил момент, когда ничто не выразит так полно и красноречиво, как песня, ничто так не выразит переполнявших женщин чувств общности, близости, благости этого тихого трудового неспешного вечера.

Тогда казалось Фариту, любившему слушать тётушек, забравшись на самый верх сложенных высокой стопкой одеял в дальнем углу широких и низких нар, на которых располагались старшие женщины, тогда казалось – поймёт вот прямо сейчас что-то очень важное о жизни, обязательно поймёт, нужно только очень внимательно слушать… И слушал, не шелохнувшись за занавеской, не всё понимал, конечно, особенно непонятно было – отчего это то одна, а то другая из тётушек всплакнёт вдруг тихонько прямо посреди песни, утирая глаза цветастым полушалком, песня ведь красивая, хотя и грустная. Протяжная, многоголосная, – и поётся в ней о джигите, отправляющемся на войну, и прощается джигит с родными, и с девушкой, и с матерью, и с отчим краем…. «Жёлтые, жёлтые цветы цветут, – выводят женщины, – от тоски пожелтеешь, когда наступят дни войны…» Лишь бабушка Шарифа никогда не плакала, по крайней мере никогда не видел её плачущей Фарит, – лицом окаменевшим темнела ещё больше, и узкою полоской сжимала бескровные губы над выдающимся вперёд скорбным подбородком…

Вместе с бабушкой приходил обычно и приятель, Насибулла, – ровесник Фарита, хотя в свидетельстве о рождении записан на два года позже. В то лето, когда родился Насибулла, жила тётушка Шарифа в дальней деревеньке, ехать на центральную усадьбу записывать его в метрики – не на чем, – бригадир Касим лошадь не дал, сенокос, мол. В следующее лето тоже что-то не получилось. Отправились, коротко говоря, на третье лето Насибулла с бабушкой пешком на центральную усадьбу совхоза, в сельсовет. «Я помню, как мы шли, – я держал бабушку за руку. Птички поют, солнышко светит, а я всё бабочку поймать пытался, – рассказывал приятель, – как сейчас помню!»

– Да тебе же возраст был – минус полгода! – смеялись обычно слушатели. – Как ты мог помнить!?

А дело в том, что писарь сельсоветский, аккуратист дядя Абукарам, записывать Насибуллу задним числом отказался наотрез: «Стану я ради такой крохи тетрадь исправлениями пачкать! Вовремя записываться надо!», – и записал дату рождения Насибуллы в толстом гроссбухе на текущий день. Бабушка сначала возмущалась, конечно, но на обратном пути передумала и в корне поменяла мнение: «Ай, спасибо доброму муаллиму Абукараму! Теперь на целых два года дольше со мной останется мой ягнёночек! На целых два года позже заберут на войну моего верблюжоночка!» А верблюжонок Насибулла бегал себе беззаботно за разноцветными бабочками, ничуть не задумывался, глупый, о преимуществах или недостатках своей необычной метрики. И напрасно… Фарит даже слегка завидовал приятелю – у него-то такой романтической истории появления на свет, увы, не было.

Сколько лет тётушке Шарифе, пожалуй, никто не скажет точно. Много. Фарит всегда помнил её такой – сухонькой, морщинистой, в цветастом платочке, низко надвинутом на глаза, неожиданно живо и молодо сверкавшие светло-голубыми пятнышками, будто лужицы после недолгого летнего ливня. И тем удивительней было, что сверкали эти лужицы на тёмном, изрытом, как кора старой сосны, лице, прокалённом солнцем и продублённом всеми ветрами. Фарит забавы ради частенько старался представить себе не цветастый платок-яулык на голове тётушки, а приличествующую пирату шляпу, – пират получался хоть куда – обветренный, как скалы.

В полутёмной комнате барака на краю деревни, где живёт Насибулла с матерью и бабушкой, тоже интересно: на стене над единственной кроватью висит ковёр, пожалуй, этот ковёр является самым примечательным предметом в бедном и довольно-таки унылом помещении. Видно, что ему немало лет: местами потёрт почти до дыр, кисточки, призванные свисать нарядной бахромой, кое-где оборваны, краски пожухли и ворс не столь пышен. Но Фарит не обращал внимания на подобные мелочи, – сцена, изображённая на ковре неведомым мастером некогда яркими красками, искупала все вышеперечисленные недостатки. Позже стало даже казаться, что древность коврика только подчёркивает значительность и ценность композиции, хотелось верить, что мастера старинных времён, изготовившие коврик, сами были свидетелями изображённого на рисунке.

…Голубые холмы, зеленеющие дубравы, поодаль белеют башни замка, сияют купола в лучах восходящего солнца, стройными рядами выезжает из ворот конное войско. На ярко освещённой полянке близ бирюзового озерца – молодой рыцарь в полном воинском облачении, держит под уздцы боевого коня, круто изогнувшего шею и роющего землю копытом в нетерпеливом ожидании. К седлу приторочены походные котомки, большое копьё с блескучим наконечником. Наконечник копья, к сожалению, немножко портит расположившаяся не у места дырочка. Рыцарь в сверкающих латах прощается с девушкой в пышном изумрудном платье. Рыцарь молодой, безусый, чёрные кудри выбиваются из-под шлема, на широком ремне, опоясавшем юношеский стан, – тяжёлый меч, в блестящей латной перчатке покоится тоненькая ручка девушки, золотистые пышные волосы её распущены и водопадом струятся вдоль изящного стана. Неотрывно глядят, глядят пристально друг на друга, с великой любовью и надеждой в глазах. Пролетают годы, тускнеют краски и осыпается ворс, проходят, казалось, века, но всё так же нежно прощаются древний молодой рыцарь и юная девушка, обещая вечно любить и вечно ждать…

Фарит мог часами смотреть на ковёр, и в каждый свой приход в полутёмное жилище тётушки надеялся, что однажды произойдёт чудо – и изменятся выражения лиц рыцаря и его девушки: грусть расставания обернётся радостью несказанной, счастьем встречи, а тоска тяжёлых предчувствий сменится восторгом сбывшихся надежд… Тётушку Шарифу часто можно было видеть сидящей на кровати под фамильным ковром, вяжущей носок Насибулле или починяющей одёжку, руки её будто сами привычно делали своё дело, не мешая ничуть хозяйке, тихонько напевающей старинную песню о жёлтых прощальных цветах, о раненном стрелой джигите и о долгой тоске ожидания любимого; неяркое заходящее солнце, заглядывая в маленькое оконце, играло бликами на щите и копье древнего рыцаря, но не могло почему-то заставить зажмуриться нездешние выцветшие блёкло-голубые, смотрящие куда-то вдаль глаза сухонькой старушки. Тётушка Шарифа лишь однажды обронила, что ковёр этот принадлежал ещё её бабушке. В школе на уроках истории Фарит частенько представлял себе бабушку Шарифу, тогда, естественно, совсем не бабушку, в обстоятельствах изучаемых исторических событий. И тогда события эти становились ближе, понятнее, и немножко страшно становилось за бабушку, маленькую, сухонькую, ни в чём не повинную, – но тяжёлым катком, ребристым металлическим колесом трактора «Фордзон» проехалась по ней история молодой народной республики.

Сама дата рождения Шарифы какая-то уж очень историческая – 1905 год. Год первой русской революции. На уроках истории, вспоминая бабушку Шарифу, Фарит никак не мог осознать и поверить: в год Великой Октябрьской революции она была уже подростком! И могла быть

свидетелем исторических событий! Вот это да! Хотя, конечно, свидетелем каких-таких событий может стать деревенский житель? Нет, исторические события касались бабушку, естественно, опосредованно, но от того не менее драматично. Гражданская война, расколовшая народ на два непримиримых лагеря…

А после гражданской – разруха, голод. Затем коллективизация. Отец Шарифы, немного вставший на ноги после получения земельного надела, крепко держал в руках своё хозяйство, гордился очень тем, что имел пяток лошадей. Сколько сыновей – столько и лошадей! А ведь советовали ему умные люди отделить сыновей, благо все уже взрослые – где же он послушает! Кремнёвый был мужик, до последнего держался за хозяйство. Вот и раскулачили, сослали в Сибирь и отца, и сыновей – братьев Шарифы. О том времени не любила рассказывать бабушка Шарифа внуку и его приятелям – слишком уж тяжело ей было, видимо, вспоминать. Насибулла с Фаритом даже придумали, как уговорить бабушку поделиться воспоминаниями:

– Да нам в школе задали записать рассказы очевидцев! – Тут уж бабушка не пыталась возражать, поскольку, будучи сама неграмотной, ко всему, что говорили учителя, относилась с трепетным уважением.

– Ну, хорошо же – слушайте! – и задумается надолго, и тихонько, словно про себя, затянет простую печальную песню, и взгляд её станет вновь как бы отсутствующим, устремлённым в те далёкие, казалось пацанам, невозможно далёкие времена…

…Осталась красавица Шарифа одна с двумя младшими сестрёнками, совсем ещё девочками, на руках. Не приведи аллах, как тяжело было! И батрачила, за любую работу бралась, чтобы выжить и сестрёнок вырастить. Времена тяжёлые, горькие времена были. Как ни билась Шарифа, а из нужды бы так и не выбилась, если б не приметил её добрый джигит Хайрулла. Да и как было ему не приметить красавицу Шарифу – вопреки всем невзгодам сияла юной красою голубоглазая по-нездешнему и гибкая приветливая девушка!

Жили счастливо, хотя и небогато. Что богатство! Любовью дышали, пылинки сдували друг с друга! Были ли ещё во всём свете такие счастливые люди? Лейла и Меджнун с небес не нарадуются на счастливую пару! И дочка вскоре родилась у молодых – ненаглядная Зарифа. И жить бы поживать счастливым влюблённым, да не судьба, наверное, – зол и завистлив шайтан, враг рода человеческого! Началась война, страшная война с неведомым германцем…

Хайрулла ушёл на войну в первые же дни, как и все, почитай, мужики в деревне. Когда прощалась с мужем Шарифа, как не умерла в тот чёрный день – один всевышний знает. Едва оторвал от себя руки любимой джигит, раненой птицей билась в пыли безутешная…

Но нужно было жить, растить дочку. И ждать. Ждать летним днём, ждать долгой зимней ночью… Лишь одно письмо – солдатский треугольник принёс Шарифе почтальон от мужа. Писал Хайрулла, что всё у него хорошо, стал офицером, командиром взвода, что разобьют скоро врага – и вернётся домой, к суженой. Жди, родная…

И Шарифа ждала. Ждала и после того хмурого дня, когда принёс почтальон казённую бумагу со странными непонятными словами «пропал без вести».

– Здесь же не написано, что умер! Большой начальник в казённом письме сам говорит, что не видел сокола моего убитым – что вы меня утешаете! – кричала неукротимо в ответ на соболезнования соседей и родственников кроткая Шарифа. – Жив мой ненаглядный, лежит где-то раненый, не смейте его хоронить!

И как ни советовали Шарифе доброжелатели уже и после Победы оформить бумаги на мужа, чтобы получать от государства содержание, положенное ей как вдове погибшего на фронте офицера, – не стала хлопотать, ходить по инстанциям. А когда одна из подросших племянниц, желая помочь тётушке, жившей бедно и трудно в послевоенные годы в старом неприглядном бараке, попытавшись всё же выхлопотать в военкомате для старушки пенсию за мужа-фронтовика, получила в итоге официальную сухую отказную бумагу, – даже будто и обрадовалась Шарифа. Просветлела лицом, и утешала плачущую племянницу:

– Ну что ты, глупенькая! Вот видишь – из области власть тебе пишет, что просто нет никаких известий, – может быть, и жив мой сокол! А пенсия – что ж? Проживём! Жили ведь мы до сих пор как-то – и проживём! А на военкомат не обижайся, милая, что ты, у нас в войну так говорили: «Не виноват военкомат – Гитлер виноват!» Так-то, доченька…

В год 25-летия Великой Победы состоялось в селе открытие памятника героям войны. Простой мраморный обелиск, устремленный ввысь. На гранях обелиска – по чёрному фону золотом начертаны имена. Знакомые всем фамилии, фамилии. Фамилий на памятнике гораздо больше, чем ветеранов в немногочисленном строю на торжественном открытии памятника...

Насибулла ворвался в комнату, переполошив бабушку Шарифу:

– Бабушка, бабушка! Там, на памятнике – наш дедушка! Пойдём, пойдём скорей!

– Где, где дедушка?! Подойди, помоги мне, верблюжонок мой…

Ноги впервые будто отказали Шарифе, трудно поднявшись, поспешила на торжественный митинг.

– Где наш деда, улым, где?

– Да вот же, седьмая строчка сверху, написано: «Жемалдинов Х.» Это он, да? Это он, бабушка?

Опираясь на плечо внука, силилась Шарифа рассмотреть золотые буквы, смутные, как во время дождя, и сквозь шум в ушах слушала усиленный микрофоном голос диктора, называвшего каждого из погибших поименно.

В тот день бабушка Шарифа никуда не пошла, не откликнулась на приглашение родственников, сидела на кровати подле ковра с рыцарем, сидела в свободно накинутом на голову чёрном платке-яулыке и пела, тихонько покачиваясь из стороны в сторону, пела грустные протяжные песни, смотрела сухими невидящими глазами в маленькое оконце, и лучи заходящего солнца отражались в неморгающих её блёкло-голубых глазах.

…Фарит закончил школу, учился в другом городе, когда узнал, что Насибулла уехал на Дальний Восток на заработки. Неуютно ему показалось сидеть за партой с детишками-восьмиклассниками – всех перерос, раздался в плечах, на губе пробивались настоящие усики. «Вылитый дедушка!» – не могла нарадоваться бабушка. Соседи рассказывали, собирая Насибуллу в дорогу, убивалась старушка так, словно на войну провожала.

– Да что ты, бабушка, мне только через два года в армию, я же на работу еду, скоро увидимся, не плачь!

Насибулла с трудом оторвал от себя бабушкины руки, оказавшиеся неожиданно сильными, прыгнул скорей в автобус. Не увидятся. Не вернётся Насибулла ни на будущий год, ни во все последующие. Затеряется где-то без весточки, как древний молодой рыцарь. И снова отчаянно и неукротимо ждать

будет бабушка Шарифа.

Умирала бабушка Шарифа долго и страшно. Случайно обварилась кипятком, готовя для омовения большую оцинкованную ванну, в которой купала и дочку когда-то, и внучат всех купала. Шёл месяц рамадан, великий пост мусульманский, и бабушка Шарифа добросовестно исполняла все предписания. Как всё случилось – никто не видел. Врачи констатировали ожог 80 процентов тела. Боль адская, но ни стона не услышал никто от старушки. Лишь в редкие минуты облегчения шептала: «И что я сделала не так, Господи? В чём вина моя?», – но без жалобы злой, без упрёка шептала. Во время перевязки, когда по-живому отдирались присохшие к ранам бинты, совершенно белыми становились когда-то ярко-голубые глаза красавицы Шарифы, но лишь беззвучно шевелились сухие губы. Кого звала в те тяжкие минуты? О ком возносила молитвы?

Говорят, упокоившаяся бабушка Шарифа выглядела умиротворённой и счастливой, на губах её будто застыла слабая улыбка.

В один из приездов в родную деревню в отпуск Фарит заглянул в комнату бабушки Шарифы. Но дочь её с детьми переехали, оставив казённое убранство – начальство наконец выдало большой семье более удобное жильё. В бараке сменились уже несколько квартирантов, и теперь жили люди, не знавшие Шарифу. На стене над кроватью, где висел прежде бабушкин ковёр – квадрат невыгоревших обоев. Фарит верил, что не выбросит никто такую вещь замечательную, не обратит в тряпку для мытья машины – когда-нибудь найдётся ковёр бабушки Шарифы, надо только искать и надеяться.

Бывая на барахолках, Фарит всегда внимательно рассматривал разложенные прямо на асфальте старинные вещи – одежонку, обутки полуизношенные, старые книги, патефоны, пластинки к ним, аляповатые картины в рамках, поржавевшие замки, молотки-топоры-гвозди, керосиновые лампы, чугунные и мраморные статуэтки ангелочков и политических деятелей и чёрт знает что ещё. Вещи эти предлагались за малую цену такими же древними и пыльными продавцами. Верил – найдёт однажды, обязательно найдёт среди всякого старья нетленный ковёр бабушки Шарифы.

И однажды действительно сверкнул в ворохе тряпья голубым узнаваемым сиянием угол ковровой ткани. Оказалось – почти такой же. Тоже древний, потёртый, только сюжет другой – голубое дивное озеро, и на водной глади нереально белые гордые лебеди, и кувшинки жёлтые, и лес поодаль зелёный, зелёный, как в детстве. И – солнце золотое надо всем, благодатное… Фарит торопливо вложил в сухую старушечью ладошку невеликую цену, но забирать коврик раздумал. Может быть, кто-то так же точно, как он, ищет бабушкину реликвию, ищет, надеется. И помнит.

Второе место (серебро) и звание лауреата. **Потапов Александр Николаевич** родился в 1954 году в селе Петровка Шацкого района Рязанской области. Окончил Рязанский государственный педагогический институт и Литературный институт имени А.М. Горького.

Автор более четырёх десятков книг поэзии и прозы.

Лауреат многих известных региональных и международных конкурсов и премий. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Живёт в Рязани.

Сергей Есенин и балтийцы-подводники

Шла война. В научной библиотеке Института русской литературы Академии наук СССР, в народе называемого Пушкинским Домом, было сумрачно и прохладно. Дело понятное: Ленинград только что освобождён от блокады, и тут уж, как говорится, не до жиру...

Виктор Андроникович Мануйлов, обретающий известность литературовед, рылся на книжных полках, поёживаясь от холода и поплотнее натягивая на плечи поношенное пальто. Нередко бывало, что он оставался в библиотеке на ночь – в стылую квартиру идти не хотелось, а среди знакомых книжных томов казалось уютнее и спокойней.

Вдруг Мануйлов услышал, как хлопнула входная дверь, а затем различил голоса и приближающиеся шаги. Огонек настольной лампы замигал от сквозняка, и в дверях комнаты показались знакомые матросы-подводники:

– Добрый вечер, Виктор Андроникович! Всё науку грызете?

– Здравствуйте, ребята. С чем пожаловали?

Вперед выступил командир подлодки. Сухощавый, подтянутый, он заговорил так, как будто отдавал приказ:

– Товарищ Мануйлов, я командир подлодки С-13 Александр Иванович Маринеско. Матросы доложили мне, что в библиотеке есть стихи Сергея Есенина. Просим выдать нам книгу.

И добавил, как о чём-то обыденном:

– Мы завтра в боевой поход отправляемся...

Мануйлов оторопело окинул взглядом подводников. Многих из них он знал. Боевая подлодка С-13 стояла в Ленинграде на ремонте, и матросы, коротая время, частенько захаживали в библиотеку Пушкинского Дома – благо, что была она неподалеку. Виктор Андроникович любезно встречал гостей, давал им читать книги. Как-то раз проговорился о своем знакомстве с Сергеем Есениным. Что слышали раньше о Есенине матросы экипажа С-13? Что Есенин – кулацкий поэт-забулдыга. Вёл распутную, богемную жизнь, вследствие чего и покончил с собой. А стихи писал хулиганские, оттого их после его смерти и не печатали. Мануйлов же открыл перед подводниками живой мир поэзии Есенина – чистый, искренний, сердечный. Читая в библиотеке томик Есенина, матросы поражались: и где он такие слова выискивал, что достают до самого сердца?

Матросы читали «Письмо к матери» – и каждый вспоминал о своей родимой, ждущей сына с фронта домой, и каждому казалось, что именно от его имени написал Есенин проникновенные строки:

Ты жива ещё, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет...

Мануйлов рассказал матросам о своём знакомстве с Есениным в Москве в августе 1921 года, когда певец «рязанских раздолий» дал младшему собрату по перу записку, по которой тому удалось беспрепятственно пройти в Дом литераторов на Арбате, где Есенин читал свою драматическую поэму «Пугачёв».

Рассказал Мануйлов и о том, как он как 3 октября 1924 года в Баку пытался прорваться на вечер поэзии Сергея Есенина, проходивший в студенческом клубе имени Сабира Азербайджанского университета. Молодому почитателю творчества рязанского словотворца помог сам поэт, передавший Мануйлову записку, адресованную администратору клуба: «Прошу пропустить тов. Мануйлова на сегодняшний вечер моих стихов.

Сергей Есенин. 3/ X – 24».

А ещё Мануйлов рассказывал о бакинских встречах с поэтом и с гордостью говорил о есенинском сборнике стихов «Трерядница» издания 1921 года, подаренном ему поэтом с дарственной надписью: «Дорогому Вите Мануйлову С.А. Есенин. 21/ IX. 24. Баку».

Матросы слушали рассказы Мануйлова с восхищением, а Сергей Есенин стал для них с тех пор любимым поэтом. На лодке у кого-то был видавший виды, расхристанный баян, и с тех пор в тесных отсеках субмарины часто слышались песни на стихи Есенина: «Ты жива ещё, моя старушка...», «Клён ты мой опавший...»

И тут вдруг приказ: «Готовиться к боевому походу». Ну разве можно там, в тревожных глубинах Балтики, обойтись без стихов любимого поэта! И тогда Маринеско, долго не раздумывая, заявился с матросами в библиотеку.

Мануйлов пытался объяснить, что библиотека научная, что книг отсюда не выдают, а томик Есенина вообще раритет, в библиотеке он единственный...

Но Маринеско, казалось, никаких доводов и слышать не хотел. В его глазах сверкал неуступчивый, решительный огонек:

– Знаем мы ваши раритеты. Но поймите и нас: мы не в куклы играем. Мы в бой идём. Понятно?

Поникший было Мануйлов вдруг встрепенулся, охваченный волнением:

– А знаете что? Я, кажется, нашёл выход...

Усталая машинистка всю ночь перепечатывала на машинке сборник стихов «всесветного рязанца». Мануйлов сидел рядом, поил её чаем и ненавязчиво поторапливал:

– Вы уж голубушка, постарайтесь. Это нужно для моряков...

К рассвету машинопись была готова.

Маринеско, строго-подтянутый, зашёл в библиотеку, с тревогой и надеждой в голосе спросил:

– Виктор Андроникович, ну как там Есенин?

– Да вот он ваш Есенин, всю книжку за ночь на машинке перепечатали…

Лицо командира лодки дрогнуло:

– Вот спасибо! Вовек не забудем.

Приняв из рук Мануйлова рукопись, Маринеско чётко вскинул правую ладонь к форменной фуражке:

– Прощайте. Мы не подведём.

Крепко пожал учёному руку и, не сдержавшись, обнял на прощание.

Ранним утром отремонтированная С-13 вышла в поход со стихами Есенина на борту, словно с талисманом….

30 января 1945 года «есенинская» подлодка под командованием капитана третьего ранга Александра Ивановича Маринеско совершила подвиг, который позднее нарекут «Атакой века».

Дело было так. Советские войска вплотную подошли к городу Данцигу – крупному порту гитлеровской Германии на побережье Балтийского моря. (Ныне это город Гданьск, принадлежащий Польше.) Здесь на верфях стояло много недостроенных, почти готовых к боевым действиям фашистских субмарин. Кроме того, в Данциге находился учебный центр подводного плавания. Опасаясь угодить в плен, гитлеровцы решили эвакуировать экипажи подводных лодок, а также находившихся в городе фашистских солдат и офицеров, представителей нацистской элиты, в город

Киль. Эвакуацию решили провести на гигантском лайнере фашистского флота «Вильгельм Густлов (Густлофф)» водоизмещением 25 484 тонны, который служил плавбазой для школы подводного плавания.

На многопалубном лайнере-гиганте находилось свыше пяти тысяч гитлеровцев (по другим данным – свыше семи тысяч). Отступающие фашисты заняли не только каюты, но и рестораны, танцзалы, плавательный бассейн, зимний сад, даже помещение палубной церкви. Незанятой осталась только личная каюта фюрера. Среди спасавшихся от натиска советских войск гитлеровцев на борту теплохода-гиганта было около тысячи трехсот подводников. Обученные экипажи для семидесяти–восьмидесяти новейших германских подводных лодок представляли собой солидную военную силу. Известно, что моряка-подводника обучить труднее, чем лётчика. Поэтому понятно, какой ценный груз должен был доставить в Киль «Вильгельм Густлов».

Теплоход вышел в рейс из порта в сопровождении миноносца «Лёве» и катера-торпедолова. На выходе из бухты «Вильгельма Густлова» ждал сильный конвой фашистских судов. Но гитлеровские стратеги не могли предположить, что в Данцигскую бухту уже пробралась советская подводная лодка С-13...

Поздним вечером гидроакустики подлодки засекли мощный шум винтов. Субмарина осторожно всплыла. Погода была – хуже не придумаешь. Над бухтой стлалась промозглая мгла. Ветер крепчал. Мороз усиливался. Вскоре белые буруны на поверхности моря возвестили: начинается шторм.

Лодка шла в позиционном положении: корпус под водой, а над кипящими морскими волнами возвышалась только рубка. Потоки воды на морозе застывали, перископы покрывались льдом. Но капитан третьего ранга Маринеско оставался на командирском мостике и зорко всматривался в промозглую мглу. Опасность состояла в том, что лодка, находящаяся в позиционном положении, в любое мгновение могла под напором волн и ветра непроизвольно уйти на большую глубину, и тогда рубка с командиром на мостике оказалась бы под водой. Это грозило бы Маринеско неминуемой гибелью, потому что рубочный люк, согласно морским правилам, был бы захлопнут экипажем лодки моментально, ибо живучесть судна – превыше всего.

Однако Маринеско не думал о грозящей ему опасности. Он лишь смахивал с лица ледяные брызги и всматривался в мутную темноту, словно охотник, идущий по следу зверя.

Вскоре в ночной мгле набухла чёрная туша лайнера. Подкравшись поближе, Маринеско скомандовал:

– Приготовиться к торпедной атаке!

Подводники замерли у приборов в тревожном ожидании. Наконец прозвучало долгожданное: «Пли!» – и три торпеды плюхнулись в воду и, словно спущенные с поводка быстроногие гончие, пробежали по воде и с ходу врезались в борт фашистского лайнера. Четвёртая торпеда не вышла из аппарата. Но «Вильгельму Густлову» и того оказалось достаточно. Вскоре охваченная пожаром громада лайнера сильно накренилась и пошла ко дну.

Подводники хотели уже праздновать победу, но тут экипажу С-13 пришлось несладко: конвойные фашистские суда начали охоту за дерзкой подводной лодкой. Как потом выяснилось, в море было выброшено около двухсот пятидесяти глубинных бомб. И все же, умело маневрируя, Маринеско увёл свою субмарину из западни.

А спустя несколько дней, 10 февраля, бороздя просторы Балтики, С-13 напала на след фашистского транспорта «Генерал фон Штойбен», переоборудованного во вспомогательный крейсер ВМФ

Германии. Приблизившись к судну с тёмной стороны горизонта, С-13 произвела залп двумя торпедами. Обе угодили в цель.

Есть сведения, что Гитлер, узнав о трагедии, произошедшей на Балтике, объявил по всей Германии трехдневный траур, а командира дерзкой советской подлодки нарёк своим личным врагом. Напомним, что подобный трехдневный траур Германия объявляла после гибели под Сталинградом 300-тысячной армии фельдмаршала Паулюса.

Дальнейшая судьба капитана 3-го ранга Александра Ивановича Маринеско сложилась несчастливо. Звание Героя Советского Союза он за свой подвиг не получил: штабники сослались на то, что в Румынии, союзнице гитлеровской Германии, у отважного капитана проживают родственники. К тому же командованию было хорошо известно о непозволительном на флоте пристрастии Александра Ивановича к горячительным напиткам, за что его не раз наказывали. Да и ершистый, неуступчивый характер Маринеско был хорошо известен высокопоставленным флотским шаркунам...

Долгое время подвиг героя-подводника всячески замалчивался, как в недоброе время замалчивалось имя Сергея Есенина. Более того: в 1949 году А.И. Маринеско был необоснованно осужден и угодил за решётку «за разбазаривание социалистической собственности». Спустя два года легендарный командир С-13 был освобождён, а в 1953 году судимость с него была снята. Жизнь свою организатор подводной «Атаки века» закончил почти в безвестности и скончался 25 ноября 1963 года в Ленинграде.

Ну чем не судьба Сергея Есенина, чьи литературные подвиги долгие годы оставались под замком?

Разумеется, сегодня легко упрекать командира С-13 во многих грехах (а они у Маринеско действительно имелись), но в таком случае кто ответит за миллионы мирных советских граждан, погибших от рук фашистов, преднамеренно уничтожавших славян на оккупированной территории СССР?

Но время всё ставит на свои места. Постановлением президиума Ленинградского городского суда от 27 апреля 1988 года прежние судебные приговоры были отменены, а «дело» в отношении Маринеско прекращено за отсутствием состава преступления. Более того: Указом Президента СССР от 5 мая 1990 года Александру Ивановичу Маринеско посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

И пускай изрыгают ядовитую слюну злопыхатели всех мастей – их во все времена хватало! Но сегодня уже вряд ли нужно кому-то доказывать, что Александр Маринеско – один из лучших советских подводников времён Великой Отечественной войны, а Сергей Есенин – один из самых талантливых выразителей русской души.

Третье место (бронза) и звание лауреата. **Япринцева Любовь –** это псевдоним известного Алтайского писателя: поэта, прозаика и публициста. Автора шести книг прозы, десяти сборников

стихов, лауреат и дипломант многих литературных конкурсов. Члена Союза писателей России. Неоднократного победителя литературных конкурсов России. Живёт в г. Бийск Алтайского края.

Командир батальона 693-го полка

Первым, кого я обнаружила в Книге памяти, изданной в Барнауле, стал Синяков Михаил Акимович. Я помнила это имя давно – фото долгие годы хранилось в семье его старшей сестры Анны Акимовны, моей бабушки. Текст в пару строк: «Синяков Михаил Акимович 1911 г.р. призван в 1941, капитан, *погиб в бою* 1942». В другом издании той же Книги сведения другие: «*…умер от ран* 11.02.1942. Похоронен г. Кувшинов Калининской области».

Мало, непростительно мало кратких строк! Если призван на фронт с началом войны, а погиб или умер от ран в феврале 1942-го – это шесть месяцев ожесточённых боёв. Период обороны Москвы! Значит, брат моей бабушки отдал свою жизнь, защищая столицу Родины!

В 2017 году обнаружила в Интернете сайт «Память народа». Почти без всякой надежды «вбила» фамилию, имя, отчество. Открылся персоналий:

«Синяков Михаил Акимович – старший лейтенант. Дата рождения __1911. Дата поступления на службу в РККА __1932. Дата призыва 1.01.1941. Место призыва – Быстро-Истокский РВК, Алтайский край. Воинская часть 693 сп 178 сд КалФ. Даты подвига 13.01.1942. Кто наградил – Калининский фронт. Наименование награды Орден Красного Знамени.

В этот миг душа моя возликовала. Более того, проснулся охотничий азарт, нестерпимая страсть – взгляд лихорадочно метался по тексту, жадно впиваясь в каждое слово. Укрепилась надежда обрести ориентиры дальнейшего поиска. Нашла. Нашла! Ищу 693-й стрелковый полк и обнаруживаю, что он входил в 178-ю стрелковую дивизию. Что-то туманное шевельнулось в сознании, но следующий материал, выданный Интернетом, взбудоражил спящий режим файлов моей памяти. Информация ошеломляет – знакомое сочетание слов «Кулагинская… стрелковая» мгновенно извлекает из памяти, рисует хорошо знакомый образ. Тарабрина (Сосновская) Татьяна Васильевна – фронтовая медсестра, героиня моих публикаций десятилетней давности. И вот же – Провидение Божье! Служила Татьяна в этой самой 178-й Кулагинской Краснознамённой стрелковой дивизии и подарила книгу. Первую встречу с той книгой судьба устроила мне в 2002 году. Я работала главным хранителем фондов краеведческого музея Смоленского района Алтайского края. Именно тогда и посещала ветерана ВОВ Сосновскую Т.В., изучала её семейный архив. Фронтовая медсестра показала массу писем от однополчан и эту книгу. Я и не думала, что она несёт мне важную информацию – таких прочитано мною тысячи.

Вторая встреча с книгой случилась в 2012 году, когда я, будучи библиотекарем читального зала детской библиотеки, систематизировала и оформляла фонд краеведческой литературы. Книга о Кулагинской Краснознамённой лежала в запылённом углу подсобки как «перевзрослённая» и «не пользующаяся спросом». Я вернула книгу в жизнь – она заняла место на выставке.

Теперь третьей встречи я искала сама… в 2017 году. Задавшись целью – восстановить фронтовые пути моих близких, искала в Интернете информацию о многих представителях пяти фамилий: моих Казарцевых, Синяковых, Шматовых, Япрынцевых, и свёкра моего – Рыженко Николая Фёдоровича.

Мне везло в этой необычной разведке, открывая сайт «Память народа», я каждый раз благодарила судьбу. Сайт подарил мне наградные документы Рыженко Н.Ф., братьев Синяковых – Василия Акимовича и Михаила Акимовича. Выяснилось, что Синяков М.А. – командир батальона 693 стрелкового полка.

Поиск истории полка снова привёл меня к 178-й стрелковой дивизии, и строка «Кулагинская Краснознамённая» пронзила мой мозг!

– Знаю! Знаю, где искать, – прошептала я на грани восторженного шока.

С утра я уже была в детской библиотеке. Получив вожделенную книгу, начала изучать текст «по диагонали» (чисто библиотечный сленг) – текст, решила я, давно знаком. Выхватывая взглядом три заветных цифры 693, старалась проследить боевой путь полка, карандашом чиркала на полях галочки, оставляла бумажные закладки, всматривалась в фотоснимки, пытаясь цепким взглядом обнаружить черты Синяковых, которых помнила по ушедшим в Лету семейным фото, но вживую не видела никогда.

Распухшая от закладок книга превратилась в «белую хризантему», и я «отправилась» в обратный путь. Продвигаясь от завершающих строк к началу, убирала некоторые закладочки, стирала ластиком свои пометки о генеральной линии партии и гениальной работе политруков. Нет, я не отрицаю роли политического просвещения, особенно в условиях боевых действий. Дело в том, что в этих текстах, кроме фамилий политруков и агитаторов нет ни одной фамилии простого стрелка. А бесфамильная информация для моего исследования бесполезна. В общем, оставила за полями

своего исследования всё, что было после 11 февраля 1942 года. Дата смерти Синякова М.А.

Изучение дальнейшего текста книги потеряло смысл, и она отложена на потом – надо отвлечься, прежде чем займусь описанием боевых действий 693-го полка. Жаль, что в текстах, отмеченных галочкой, в составе полка не обнаружилась искомая фамилия. Ну, да и на том, что есть, я благодарна судьбе.

Через пару месяцев вернулась к книге – ещё раз проредила строй закладок и галок. Продолжая двигаться по тексту в обратном направлении, радуюсь, что закладок осталось всего три. Останавливаюсь на странице 16, читаю абзац, терпеливо охраняемый последней галкой (как последним бойцом). Речь о втором батальоне 693 полка под командованием капитана Широкова. Восточный берег реки Вопь. Медлю в раздумье, может стереть эту одинокую «птицу»? Всё, что было, я уже выяснила… Устало и без всякой надежды, просто, чтобы оправдаться перед своей совестью – сделала, что могла – и… О, Боже! Да ведь это клад! Подарок судьбы! «Наводчик пулемёта Михаил Синяков»… !!!

Спазмы давят горло, соль щиплет глаза. Мой поиск вознаграждён.

«Наводчик пулемёта Михаил Синяков бронебойными пулями сразил водителя одного танка. Танк остановился, остальные повернули вспять». //*Таланов М.М. Кулагинская Краснознамённая. – Барнаул, 1987.*

Это событие 27 июля 1941 года.

Здесь он пока наводчик пулемёта, не указано звание. Пока. Но как же быстро вершится военная карьера! Если повезёт. Если не убьют.

Череда бесконечных боёв! И через полгода этого ада – Михаил Синяков – командир этого самого второго батальона. Из 700 бойцов он оказался достоин и способен исполнять такую военную должность. Житель некрупной деревни степного Алтая. Где же и какую именно службу исполнял Синяков Михаил Акимович с начала тридцатых годов до начала войны в 1941 году? Очередной сложный вопрос… А пока привожу в систему те отрывочные сведения, которые удалось извлечь из залежей Интернета.

Когда мои изыскания остановились на событиях 19 октября, Интернет открыл мне главный документ.

Наградной лист!

Из наградного листа Синякова М.А.: «В бою за деревню Фролово т.Синяков водил в атаку свой батальон, хорошо организовал бой в населённом пункте, правильно использовал свои огневые средства, и в тот момент, когда было взято уже половина населённого пункта, *противник получил подкрепление*, но благодаря мужеству и находчивости командира батальона тов. Синякова, сопротивление врага было сломлено. Тяжело раненый тов. Синяков продолжал руководить боем. Противник начал в панике убегать из Фролово, оставив на поле боя более 250 человек солдат и офицеров убитыми и ранеными. Сам товарищ Синяков уничтожил в этом бою из винтовки и пистолета 5 немецких солдат»…

Если командир применил пистолет, значит, бой был на грани рукопашного, на очень ближней дистанции. Задумываюсь, а что такое батальон, сколько в нём бойцов? Двадцать, тридцать? Снова погружаюсь в поисковые работы. И нахожу.

Стрелковый батальон (778 человек) по штату 04/401 от 5.04.1941. состоял из штаба, трёх стрелковых рот, взвода связи, санитарного и хозяйственного взводов. Командовал батальоном командир в звании майора».

Был ещё взвод противотанковых пушек (18 человек) состоял из командира, посыльного и двух расчётов сорокопяток. Но, взвод противотанковых пушек был *исключён* из состава батальона 29 июля 1941 года. Количество штата сократилось на 18 человек.

– Прочь уныние, – приказываю себе. – Нельзя опускать рук. Пока длился кровавый октябрь, мой Синяков ещё жил, сражался. Найти, найти всё, что возможно!

И поиск продолжался… Изъятые из состава Резервного фронта 133-я и 178-я стрелковые дивизии избежали окружения в октябре 1941 г. и в битве за Москву воевали на Калининском фронте.

До 5 декабря войска Калининского фронта вели ожесточённые оборонительные бои.

10 января 693-й стрелковый полк занял рубеж Суходол – Рогово – Сытьково. Закрепившись своим правым флангом, дивизия продолжала наступать на юг и юго-запад. За период наступления с 27 декабря 1941 года по 10 января 1942 года части дивизии в жестоких боях с немецкими оккупантами освободили 194 населённых пункта, весь Луковниковский и часть Ржевского и Молодотрудского районов Калининской области. Уничтожили большое количество живой силы и боевой техники врага и захватили богатые трофеи». //*Таланов М.М. Кулагинская Краснознамённая.*

К 1 января 1942 г. Калининский фронт имел уже пять армий, насчитывавших в своём составе тридцать стрелковых, одну мотострелковую, пять кавалерийских дивизий, три танковые бригады и четыре отдельных танковых батальона. Противостоявшие фронту войска противника к этому времени состояли из тринадцати пехотных, одной танковой и одной моторизованной дивизий.

Даты и координаты бесчисленных боевых действий, цифры потерь…

Из наградного листа Синякова М.А.:

«В бою за деревню Пятница – Орча 13.01.42 батальон т. Синякова, благодаря умелому командованию комбата, преодолел сопротивление противника и освободил этот населённый пункт от фашистского ига. Перерезая шоссейную дорогу, батальон т. Синякова уничтожил более 100 человек фашистов»...

К 2 февраля части Красной Армии вышли на подступы к Вязьме.

К 5 февраля наши дивизии вклинились *в оборону противника* и захватили Стогово, от которого до Вязьмы оставалось 12 км.

Из текста наградного листа:

«Синяков Михаил Акимович ст. лейтенант, командир батальона 693 сп 178 сд. 1911 гр. русский. Состоит в Красной Армии с 1932 г. член ВКП (б) с 1938 г. До Отечественной войны в боях не участвовал. Ранен 6 февраля 1942 года. Ранее не награждался».

Похоже, что дальнейший путь 178-й стрелковой дивизии продолжится без моего дорогого Михаила Акимовича, старшего лейтенанта, командира батальона…

В ночь с 6 на 7 февраля части корпуса захватили деревни Михальки и Пастиха, до Вязьмы

оставалось уже менее 10 км.

«Бои за Фролово затянулись, противник никак не уступал, цепко держался и стойко боролся. И всё же под неудержимым напором наших подразделений враг дрогнул и бежал из своего оборонительного узла, оставив на поле боя до 250 своих незадачливых вояк. 8 февраля Фролово было освобождено». //*Таланов М.М. Кулагинская Краснознамённая.*

А бои продолжались. Горела земля, раскалывалось небо. Бесконечная военная работа. И в этой канонаде только редкие, короткие паузы – остудить орудия, подобрать раненых, похоронить убитых. Переобуться. Умыться. Поверка личного оружия. Передышка. Весточка домой. Короткий отдых…

Из текста наградного листа:

«Синяков М.А. в боях с немецким фашизмом с первых дней показал себя как мужественный, умелый и находчивый командир. Стрелковый батальон, которым командовал т.Синяков, всегда выполнял задачи, поставленные командованием полка… Тов. Синяков М.А. достоин представления к правительственной награде – орденом «Красной Звезды».

Командир 693 сп капитан Андреев. Военком 693 сп батальонный комиссар В.Черников. 21.02.42 г.

Представлен к награждению орденом Красной Звезды». (*Это перечёркнуто и красным карандашом написано: «Красного Знамени»*).

«Награждён: Орден Красного Знамени». (*Значит, посмертно?*).

Значит, к указанной дате после ранения, полученного 6 февраля, две недели Михаил Акимович находился в госпитале, но медицина оказалась бессильна…

«Приказ подразделения №: 184 от: 28.05.1942. Издан: ВС Калининского фронта. Архив: ЦАМО. Фонд: 33. Опись: 682524. Ед. хранения: 191. № записи: 6038100. Наградной лист – стр. 237-238. Рассекречено в соответствии с приказом Министерства обороны РФ от 8 мая 2007 года N181 «О рассекречивании архивных документов Красной Армии и Военно-Морского Флота за период Великой Отечественной войны 1941-1945 годов» (с изменениями на 30 мая 2009 года)».

Никаких сомнений не осталось в том, что комбат Михаил Акимович Синяков был талантливым командиром, ибо управлялся с таким огромным количеством воинов, обеспечивавших успех боя на различных участках и разных видах военной работы. Всех их надо было держать в поле зрения, наладить связь, своевременно и в расчёте на успех передислоцировать, накормить, дать возможность восстановиться после боя.

Отыскался и ещё один скорбный документ.

Донесение о потерях:

«Синяков Михаил Акимович капитан. Дата рождения __.__.1911. Источник информации ЦАМО. Номер фонда ист. информации 33. Номер описи ист. информации 595608. Номер дела ист. информации 6. В Петропавловский РВК. Дата 1952».

178-я стрелковая дивизия с честью продолжала выполнять свои задачи. За долгие годы войны ей довелось вести оборонительные и наступательные действия в составе девяти армий, четырёх фронтов. За отличие в боях дивизия получила *почётное* наименование Кулагинская Краснознамённая.

Третье место (бронза). **Тюшина Екатерина Ивановна** – родилась 18 декабря в деревне Боровушка Топкинского района Кемеровской области. Окончила Кемеровский государственный институт культуры по специальности библиотекарь-библиограф. Работала в Детской библиотеке им. А.М. Береснева МАУК г. Кемерово в должности главного библиотекаря. Пишет романы, повести, рассказы. Автор нескольких книг для детей. Живёт в Кемерово.

Михаил Борисов – личный враг Гитлера

Многие фронтовики, пройдя военными дорогами, писали стихи о мужестве, стойкости, любви и верности к родной стране. Особое место среди них занимает фронтовик, поэт, Герой Советского Союза Михаил Фёдорович Борисов, совершивший подвиг во время Курской битвы.

Родился он 22 марта 1924 года в посёлке Михайловский Баевского района Алтайского края в крестьянской семье. Детские и юношеские годы прошли в г. Камень-на-Оби. В школе Михаил активно занимался спортом и военным делом. К концу 8 класса отлично знал устройство винтовки, револьвера, пулемёта. Впоследствии эти знания ему очень пригодились, поскольку воевать довелось

много, причём в таких местах и таких сражениях, где мало кто оставался живым. В первые, же дни Великой Отечественной войны, семнадцатилетний паренёк добился призыва на военную службу. Правда, на фронт не взяли, отправили учиться в Томское артиллерийское училище. После четырёх месяцев учёбы вместе с остальными курсантами был отправлен под Москву, а оттуда – в Краснодар, и зачислен в наводчики 50-миллиметрового миномёта. Боевое крещение Борисов принял в декабре 1941 года при высадке морского десанта под Керчью. В проливе десантники подверглись массированному налёту вражеской авиации. Несколько сейнеров, на которых они шли, были потоплены, однако Керчь всё-таки освободили. Оставшихся в живых бойцов распределили по разным подразделениям. Михаила Борисова назначили наводчиком 82-миллиметрового миномёта. Два месяца непрерывных боёв не прошли для него даром: он был ранен и тяжело контужен. Это случилось 22 марта 1942 года, в день, когда ему исполнилось 18 лет. И таких совпадений у Борисова за годы войны было несколько. Пролечившись в госпитале в Ессентуках, он в конце лета 1942 года был направлен в 36-й гвардейский стрелковый полк 14-й гвардейской стрелковой дивизии, где стал наводчиком 45-мм противотанкового орудия. В составе Донского фронта участвовал в Сталинградской битве. За четыре месяца боёв его расчет пять раз полностью сменился, а его самого не задело ни осколком, ни пулей. Зимой 1943 года при передислокации Михаил Борисов был сильно простужен и с высокой температурой отстал от своей части. Шли ночью, в снегопад. Он шёл, вцепившись в повозку, и дремал на ходу. В какой-то момент рука отцепилась, он упал и остался лежать на дороге. Его заметили, подняли, он прошёл ещё немного и опять упал. А когда очнулся, то рядом никого не было. Его подобрал автомобиль 58-й механизированной бригады. Позднее Михаил узнал, что расчёт его орудия, от которого он отстал, полностью погиб на следующее утро при авианалёте противника. Его зачислили наводчиком орудия ЗИС-3 в отдельный истребительно-противотанковый артиллерийский дивизион. 11 февраля 1943 года в районе города Дебальцево орудийный расчёт 76-миллиметрового орудия, в котором служил наводчиком сержант Борисов, при отражении вражеской атаки уничтожил пулемёт противника, бронемашину и до 140 человек живой силы. Это был подвиг, за который Борисов услышал от своего командира взвода дорогие ему слова: «Спасибо, ты хорошо стрелял». За этот бой Борисов был представлен к ордену Красного Знамени, однако документы на награждение были потеряны. Во время сражения за Харьков 22 марта 1943 года уже во второй свой день рождения был контужен. После лечения, он в должности комсорга артиллерийского дивизиона 58-й мотострелковой бригады 28 танкового корпуса на Воронежском фронте, участвовал в Курской битве. Под Прохоровкой Борисов совершил свой великий подвиг – лично уничтожил 7 немецких «тигров». 11 июля 1943 года батарею дивизиона, в которой был наводчиком Михаил Борисов, в районе села Прохоровка атаковало 19 немецких танков. В неравном поединке батарея была подавлена, и сержант Борисов продолжал бой один. В своих воспоминаниях он писал: «Я занимался обычным солдатским делом. К какому-то орудию подносил снаряды, относил раненых в сторону и перевязывал. Когда умолкла последняя пушка, кинулся к ней. Покрутил маховичками, всё оказалось в порядке, да и снаряд находился уже в казённике. Поймал в перекрёстье панорамы борт ближайшего «тигра» и нажал на спуск. Танк задымил. Сбегал за снарядом. И второй выстрел оказался удачным. Дослав очередной снаряд, краем глаза увидел бегущих ко мне, комбата и командира огневого взвода лейтенанта Красноносова. Полегчало. Опять бью по вражеским машинам, опять они полыхают, как факелы. Но тут тяжело ранило Павла Ажиппо и контузило Володю Красноносова. Я выхватил из рук комбата снаряд, щёлкнул орудийным замком и прильнул глазом к панораме. И ещё один зверь уткнулся рылом в землю. Новый бросок за снарядом и новый выстрел. Последний, восьмой по счёту танк подошёл ко мне метров на 60-70. Медлить было нельзя. Я грубо навёл ствол пушки ему в лоб. Снаряд выбил только сноп искр. Лобовая броня «тигра» около двадцати сантиметров, оказалась снаряду не по зубам. Но всё же, что-то в танке, видимо, разладилось. Он остановился как вкопанный, успев ответным выстрелом разбить мою последнюю защиту».

Борисову повезло. За его схваткой с «тиграми» следил со своего НП командир корпуса генерал Алексей Попов. Он-то и приказал вытащить его уже раненого из-под огня и доставить в госпиталь. В этом бою батарея погибла, но свою задачу выполнила: продержавшись несколько минут,

уничтожила шестнадцать вражеских машин на Прохоровском поле. Семь танков, а сам он считал семь с половиной, были укрощены Михаилом Борисовым. Через десять дней, сбежав из госпиталя и разыскав свою бригаду, Борисов узнал, что его представили к званию Героя Советского Союза. Узнал и о том, что на другой день после своего поединка с «тиграми», там же произошло небывалое в истории мировых войн танковое сражение. На небольшом по площади «пятачке» русской земли схлестнулись более шестисот машин 58 гвардейской танковой армии генерала Павла Ротмистрова с таким же примерно количеством гитлеровской бронетехники. Сойдясь в смертельной схватке с врагом, они одержали знаковую победу!

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 января 1944 года за мужество и героизм, проявленные в боях, гвардии старшему сержанту Борисову Михаилу Фёдоровичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». В числе таких выдающихся личностей, как Сталин, маршал Жуков, командир подводной лодки Маринеску, композитор Шостакович и диктор Левитан, Михаил Федорович Борисов был объявлен личным врагом Гитлера. Но это не испугало бойца и, сбежав из госпиталя, он продолжал воевать.

Много лет спустя, уже став известным поэтом, автором нескольких книг, Михаил Борисов в одном из своих стихотворений написал:

Сорок третий горечью полынной
На меня пахнул издалека –
Чёрною, обугленной равниной
Видится мне Курская дуга.
Те бои – как мера нашей силы.
Потому она и дорога,
Насмерть, прикипевшая к России
Курская великая дуга...

1 сентября 1944 года Михаил Борисов был отправлен на фронтовые курсы младших лейтенантов. После их окончания в марте-мае 1945 года участвовал в Висло-Одерской операции. 22 марта 1945 года уже в третий свой день рождения был ранен в челюсть, но зная о предстоящем наступлении на Берлин, чуть подлечившись, вернулся из госпиталя в часть. Однако вскоре вновь был ранен, уже в ногу, но в госпиталь не пошёл. После перевязки Борисов командовал взводом управления батареи на костылях. Форсировал Одер, штурмовал Берлин. 3 мая 1945 года Герой Советского Союза младший лейтенант Михаил Борисов расписался на стене Рейхстага, над которым уже развевалось наше знамя.

«…Вокруг извёстка, копоть, всё обгорелое, полуразрушенное. Везде надписи. Я не удержался, – вспоминал он, – тоже взял кусок извёстки и написал: «Я из Сибири». И подписался – Михаил Борисов».

После войны в звании лейтенанта продолжал службу в артиллерии в Группе советских войск в Германии. В августе 1946 года Борисов ушёл в запас. Послевоенная жизнь Михаила Фёдоровича была насыщенной и разнообразной. Окончил Кузнецкий горный техникум. Участвовал в

строительстве шахт в Кузбассе и строительстве Западно-Сибирского металлургического завода. Учился в Новосибирской юридической школе. Работал помощником прокурора и следователем, был депутатом городского Совета народных депутатов Новосибирска. С 1952 года служил в органах госбезопасности. После окончания Алма-Атинского юридического института в 1968 году М. Ф. Борисова откомандировали в Главное управление внутренних войск МВД СССР. Служил инструктором политотдела Южно-Кузбасского исправительно-трудового лагеря, начальником отряда Абачурской исправительно-трудовой колонии, инспектором организационно-методического отдела Кузбасского управления лесных исправительно-трудовых учреждений. Здесь, на Кузнецкой земле проснулся поэтический талант. Начал писать стихи, публиковаться в газете «Кузнецкий рабочий». В 1965 вышла первая книга стихов Михаила Борисова «Верность». С 1975 года работал в Академии МВД и журнале «На боевом посту». В отставку ушёл в 1981 году в звании полковника. Шестьдесят лет своей жизни Михаил Фёдорович Борисов посвятил военно-патриотическому воспитанию молодёжи. Много раз выступал по радио и на телевидении, печатался в центральных и местных газетах, в журналах. С его участием снято два документальных фильма – «Первый салют» и «Поле под Прохоровкой». Был членом правления Московского клуба Героев Советского Союза, Героев России и полных кавалеров ордена Славы. Но главным делом его жизни всегда оставалась литература. В 1976 году он стал членом Союза писателей России. Стихи ветерана войны публиковались почти во всех центральных газетах и журналах, а также в Болгарии, Венгрии и Польше. Он автор более 30-ти сборников стихов. В их числе «Земные высоты», «Край мой отчий», «На линии огня» и др. Его произведения отмечены престижными литературными премиями: им. А. Фадеева, К. Симонова, Н. Скоморохова, «Прохоровское поле». Борисов был удостоен звания лауреата премии «Золотой венец Победы». Являлся действительным членом Международной академии духовного единства народов мира. Его книга «Эхо на рассвете» удостоена диплома Министерства обороны СССР.

Юность, война, огромный пласт впечатлений, чувств, переживаний фронтовым отпечатком лежат на стихах Михаила Федоровича Борисова.

На фронте мы не думали о нервах –
Война кроила землю под погост,
А из траншей бойцы в шинелях серых,
Бывало, поднимались в полный рост.
Он так и встал
Однажды в сорок первом,
Мой командир, почти ровесник мой,
И поднял роту собственным примером
В последний и решительный наш бой...

Боевые и трудовые подвиги заслуженного работника МВД Михаила Федоровича Борисова отмечены многими государственными наградами. В их числе: орден Ленина, орден Отечественной войны 1 степени, два ордена Красной Звезды, орден «За службу Родине в ВС СССР» 3 степени, орден «За заслуги перед Отечеством» 4-й степени, многочисленные медали. Подвиг М. Ф. Борисова был внесён в книгу рекордов «Планета». Последние годы жил в Москве. Ушёл из жизни 9 марта 2010 года.

Военно-патриотическая и литературная деятельность поэта-ветерана Михаила Федоровича Борисова не забыта. В Москве на доме, в котором он жил, установлена мемориальная доска, в белгородском музее-диораме «Огненная дуга» установлен бюст М. Ф. Борисова.

Помнят его и в Сибири, на Кузнецкой, и Алтайской земле. В качестве почётного солдата М. Ф. Борисов зачислен в списки личного состава воинской части, дислоцированной в Новокузнецке. С 2011 года Центральная городская библиотека в городе Камень-на-Оби носит имя М. Ф. Борисова. Ежегодно 22 марта в день его рождения на Алтае проходят Борисовские чтения, в завершении которых на районной аллее Героев города Камень-на-Оби торжественно возлагается венок к бюсту Героя Советского Союза, поэта Михаила Федоровича Борисова.

Я возвращаюсь всякий раз туда
В окопный быт,
В обугленные дали,
Где мы не так уж много и познали,
Но без чего не вышли бы сюда.
Тогда ни ночи не было,
Ни дня,
Тогда земля и небо цепенели,
И мы нередко различали цели
В пределах только сектора огня.
Без выси, широты и глубины
Казался мир в винтовочную прорезь.
Он и сейчас спрессован,
Словно совесть
Мальчишек, не вернувшихся с войны.

Звание дипломанта конкурса. **Канавщиков Андрей Борисович –** родился в 1968 г. Окончил факультет журналистики Ленинградского госуниверситета.

Председатель Литературно- художественной творческой группы «Рубеж», заместитель председателя правления Псковского регионального отделения Союза писателей России, заслуженный работник СМИ Псковской области. Автор 47 книг стихов, прозы и публицистики. Живёт в г. Великие Луки Псковской области.

Когда подвиг и есть судьба

Глава из книги к 100-летию со дня рождения А. И. Матросова

Место, где располагалась в Великую Отечественную войну деревня Чернушки, представляет собой пустырь. Голое поле.

После закрытия торжественного митинга в честь очередной годовщины подвига к подножию монумента Александру Матросову легла гирлянда и живые цветы. Сразу на нескольких площадках, справа и слева от памятника, развернулась игра «Настоящие мальчишки, настоящие девчонки». К микрофону же тем временем выходили участники Межрайонного конкурса патриотической песни «Равнение на подвиг».

Пользуясь случаем, пытаюсь найти хоть кого-то из тех, кто может показать точное место подвига Матросова и место его могилы. Даже частые посетители мемориала, увы, предпочитают обходиться разговором в общих чертах. Показывают, что полк Матросова наступал на территории, находящейся справа от сегодняшнего памятника, а исторический дзот находился правее, чем расположено нынешнее символическое бетонное сооружение. Всё приблизительно и на глазок. Тем более, что за более чем семь десятков лет год вокруг выросли немалые деревья.

И никуда не обойти непонятный дот, который высится неподалёку. Зачем, почему?

Ведь дот (долговременная огневая точка) – это не дзот (деревянно-земляная огневая точка), который закрыл своей грудью Матросов. Постоянное место путаницы для приезжих и предмет удивления тех, кто хоть что-то читал о бессмертном подвиге. Как же: ждали увидеть дзот, а видят

дот.

В войну эти аббревиатуры так с больших букв, кстати, и указывались – ДОТ и ДЗОТ.

Подхожу к одному местному начальнику. Дав слово, что светить его не буду, тем более фотографировать и перед кем-то конфузить. Только бы тайну непонятного дота раскрыть.

– Откуда, кстати, этот дот здесь взялся?

– Выкупили у одного местного жителя и поставили здесь.

– Но Матросов же закрыл своей грудью дзот, а не дот.

– Этот дот установили исключительно потому, что он настоящий немецкий дот военной поры.

– А зачем нужен был дот местному жителю?

– Наверное, хотел эту бетонную конструкцию в хозяйстве как-то приспособить. Но тут он явно нужнее.

Подхожу к доту. Для наглядности из бетонной амбразуры выглядывает даже сваренное из железных труб и раскрашенное чёрной краской подобие пулемёта. Увы, опять нестыковка. Муляж из труб, скорее, напоминает советский аналог пулемёта Дегтярёва, чем немецкий пулемёт МГ-39, который в действительности закрывал грудью Александр Матросов.

Патриотизм патриотизмом, но, честно сказать, так и остаётся загадкой, зачем дот должен символизировать дзот, а муляж советского пулемёта выставлен там, где был немецкий пулемёт. Вопросы так и остаются без внятных ответов.

К сожалению, эти и им подобные неряшливости постоянно создают вокруг имени Александра Матросова некое подобие тайны на пустом месте. Люди приедут к Чернушкам, увидят дот и начинают внутри себя что-то выдумывать, тогда как нет тут ни тайны, ни загадки – элементарное равнодушие к деталям.

А детали, между тем, никогда не прощают равнодушия. Если их должным образом не обозначить, то из мелочей постепенно вырастают теперь уже большие противоречия и начинаются глубокие диссонансы с порой совершенно невероятными выводами.

Уже упомянутый дот чего стоит! Сколько юных умов он исковеркал, сколько вопросов ненужных породил! Хотя всего-то навсего появилась там эта бетонная конструкция достаточно случайно и никакой значительной смысловой нагрузки не несёт.

А сколько многозначительных выводов порой делается из полушубка Матросова, в который тот одет на памятнике работы великого скульптора Е. В. Вучетича!

Глупо спорить с художественными достоинствами монумента от автора Родины-Матери в Сталинграде и солдата с девочкой на руках в Берлине, монумента, который расположен на берегу реки Ловать в Великих Луках, на месте захоронения героя. Памятник от Вучетича – это всегда знак качества, это всегда высочайший уровень.

Дело только в том, что Евгений Викторович показал рядового Матросова в его бессмертном броске на вражескую амбразуру в офицерском полушубке. Конечно же, в свой последний бой Александр

Матросов шёл в простой солдатской телогрейке, ватнике, защитного, так узнаваемого всеми советскими людьми жёлто-зелёного цвета. Физически не могло быть у рядового такого шикарного офицерского полушубка. Не по чину и не по уставу.

Нет, задумка Вучетича ясна. Он заботился о красоте картинки, о том, чтобы памятник выглядел величественнее и торжественнее. Чтобы герой выглядел абсолютным героем. Но периодически находятся некие язвительные люди, которые тычут в лицо скульптору этим полушубком и твердят, что тот «соврал», что это всё «советская пропаганда». Так из-за одной маленькой детали под сомнение берётся подвиг в целом, вылезает ирония там, где её в принципе быть не должно.

Вот цитата из реального письма в редакцию «Великолукской правды»: «Памятник Александру Матросову позорит весь город Великие Луки.

А кто дал Александру Матросову такую офицерскую шубу, а он в такой шубе закроет амбразуру немецкой землянки своим телом? И в какое время года это было? В сентябре или октябре? Дураку понятно и видно, смотревши на этот памятник. Заводят в заблуждение молодое поколение.

Чем построили железную яблоню (в Великих Луках чтут предание о ранетке, яблоне св. Княгини Ольги, которую та посадила и тут же получила плоды – А. К.), лучше б Александру Матросову памятник переделали на более-менее похожий. Наши краеведы сами ничего не знают».

Кто-то скажет, что такие письма и цитировать не нужно, не обращать на них внимание и всё. К сожалению, на практике не получается так, чтобы забыть и не обращать внимания.

Это всё-таки реальное письмо реального человека. И если даже его не печатать, то вопросы, поднятые в нём сами-собой не исчезнут.

Тем более что существуют воспоминания военного фельдшера 4-го батальона 91-й ОСБр Г. М. Судновой. 19 мая 1978 года Галина Максимовна Коровина (Шуя) писала А. Г. Янкевичу (Москва) дословно: «Весна была ранняя, везде стояли лужи и люди лежали в воде и в снегу. Вдруг мы видим кто-то ползёт, не прямо, а зигзагами и одет он был в белый полушубок. Немцы открыли огонь, но человек встал и побежал из стороны в сторону петляя, и вдруг упал. Всё стихло, но все поняли, что вражеский пулемёт замолчал, что из дзота уже нет стрельбы. Сразу все поднялись и с криком «Ура» бросились в атаку».

Полушубок?! Видимо воспоминания Судновой из 1978 года базировались не на том, что она действительно видела у Чернушек, а на том, что перед ей глазами во время написания письма стоял образ памятника Вучетича.

Фальшь деталей, как ржа, разъедает любую глобальную тему изнутри. А если про эти детали не говорить, то невольно возникает иллюзия, что что-то действительно нечисто, что изначально в теме есть какая-то червоточинка. И однажды в очередной горячей голове рождается очередная, теперь уже большая, ложь.

Хотя всё можно было пресечь сразу, ещё в зародыше, если на одну случайную деталь не налагать другие случайности. Уверенно могу заявить, что все так называемые сенсации, связанные с именем Александра Матросова, просто не развились бы, если бы не подпитывались деталями, допускающими двойное или тройное толкование.

Вот, казалось бы, книги и статьи о Матросове исправно и регулярно выходят. Но фактически они лишь умножают туман вокруг темы, с самого начала не отличавшейся особой ясностью.

То кто-то найдёт картинку, где у Матросова на плечах погоны и начинает ёрничать, что он физически не мог быть сфотографирован или при жизни нарисован с погонами. То кто-то отталкивается от фразы «гвардии рядовой», упирая, что на амбразуру ложился ещё просто рядовой, а не гвардеец (например, фраза О. Ф. Бондаренко-Снитина: «91-я особая бригада вошла в состав 56-й гвардейской стрелковой дивизии по приказу ГКО только в апреле 1943 года»).

Хотя про те же погоны можно сказать, что согласно приказу НКО № 25 от 15 января 1943 года «О введении новых знаков различия и об изменениях в форме Красной Армии» перейти на погоны войска должны были по 15 февраля 1943-го, так что Матросов вполне мог идти в свой последний бой уже с погонами. Позже всех погоны появились на плечах железнодорожников – в сентябре и у прокурорских работников СССР – только в октябре 1943 года.

Так что, хотя физических погон у Матросова пока и не было, но формально художники, рисующие его так, не слишком и неправы. Приказ НКО есть приказ и его сроки исполнения никто не отменял.

Бывает у доморощенных критиков и следующее. То кто-то зацепится за карту местности и разглядит, что амбразуру дзота герой закрыл ближе к деревне Плетень, а не Чернушка. Из этого географического факта у псевдоисториков следует пространное умозаключение о русской пословице «Навести тень на плетень» и о том, что «сталинские пропагандисты» нам «врали, врали, врали» даже на уровне топонимов.

Хотя, конечно же, история про Плетень и Чернушку никакое не «историческое открытие». Никто здесь ничего ни на мгновение не скрывал. Но грязь реально работает, шутка про «матросовский плетень» регулярно звучит от циничных остряков.

Кстати, существовали две деревни Чернушка – Северная и Южная. Такие обозначения есть и на наших, и на немецких картах. В донесении так и проходило: «Нами заняты три населённых пункта: Чернушка Северная, Чернушка Южная и Чёрное Северное».

Уфимские исследователи А. М. Багаутдинов и Р. А. Багаутдинов пишут о вопросе: «В немецких документах и картах Чернушка (южная) именуется и отмечается как Чернушка (основная), чтобы отделить её от Чернушки (северная). После совершения подвига Александром Матросовым такого разделения деревень уже не было – с февраля 1943 года деревня стала именоваться Чернушки».

Дело здесь в том, что две Чернушки разделяла река Чернушка. Одна деревня находилась выше, севернее, другой. Отсюда и название Чернушка, а также объяснение того, почему сейчас принято говорить сразу во множественном числе – Чернушки, то есть деревни по реке Чернушка. Хотя, конечно же, точнее и историчнее говорить про Чернушку Северную, когда речь заходит о подвиге Александра Матросова.

Впрочем, до сих пор существуют споры в части того, у какой именно Чернушки Матросов совершил свой подвиг. В советское время однозначно говорилось о Чернушке Северной, сейчас иные работы делают упор, наоборот, на Чернушку Южную.

Другой оригинал геростратовского пошиба в своих изысканиях отталкивается от судимостей Матросова и щедро заворачивает байку про матёрого урку и зека, чуть ли не криминального авторитета. Он пишет с непременным упором на лагеря НКВД, числя Матросова в числе «осужденных за незначительные преступления и досрочно освобожденных с передачей в ряды Красной армии».

Затем, походя, через запятую, утверждается следующее: «…боец родился в феврале 1924 года, кто его родители - неизвестно. Брошенного на берегу реки Белой ребёнка подобрали матросы Волжской

речной флотилии и отнесли в детский приют в Уфе. Там найденыша назвали в память о спасителях Сашей Матросовым. Подростком за кражу он был осужден, содержался в детской трудовой колонии, откуда в сентябре 1942 года был мобилизован в армию».

То есть автор просто берёт уфимскую версию рождения Матросова и даже не делает себе усилий узнать о существовании других версий. Исследователи и по сей день спорят, факты выискивают, а у нашего лихого кавалериста ни сомнений, ни вопросов в принципе нет. Подход очень странный, по меньшей мере.

В такой же кавалерийской манере описывается и момент подвига Александра Матросова. Автор пишет, что Матросову его товарищи в ответ на приказ командира идти в атаку сказали: «Сам попробуй, если не трус». Но так как «по лагерным понятиям связной командира роты относился к так называемой категории «придурков», а «терпеть такое обвинение заключенному, даже бывшему, невыносимо», то Александр Матросов и пополз к вражескому дзоту.

Оторопь берёт поначалу от такой развесистой клюквы. Про то, что свой подвиг Матросов совершил в некоем лагерном кураже, закрыл амбразуру по воровским понятиям. А ведь это всё исправно тиражируется и кто-то в эту зековскую историю Матросова искренне верит. Тогда как Матросов был осуждён не за кражу, а за нарушение паспортного режима и позднее судебная система сама признала чрезмерность своего наказания.

Об этом позже поговорим подробнее. Пока же важно акцентировать тот момент, что сейчас не каждой печатной продукции можно, к сожалению, верить. Некоторые книги, вообще, лучше не читать, чем пропитываться их многозначительной фальшью и засорять сознание какими-то плохо переваренными мыслями.

Ведь очевидно, что дело здесь не в конкретной лжи про «зека Матросова» или про «вражеский дот», который был, конечно же, дзотом. Дело в том, что человек так устроен: малейшее сомнение в части целого вызывает у него отторжение и всего целого. И обычно, начинаясь с малого, с деревни Плетень или игр в место рождения героя, вал сомнений докатывается до самого подвига Александра Матросова. Начинали сомневаться в биографии, а досомневались до того, а был ли подвиг в наличии, может, Матросов просто поскользнулся у дзота.

Что тут можно рекомендовать? Совет прост. Всегда включайте голову. Сделайте себе труд всегда, хоть на мгновение, подумать, когда что-то прочитали или услышали. А процесс думания всегда предполагает сравнение. То есть не ленитесь сравнивать разные версии, разные трактовки одного и того же события.

Более того. Если автор не даёт вам нескольких версий рядом друг с другом, то нужно задуматься и об исторической добросовестности автора. Почему он не хочет говорить с вами честно? Почему что-то пытается скрыть? Почему своё мнение пытается обозначить как единственно верное?

Это, в принципе, нормально, когда вокруг героя кипят споры. Значит, не оставляет он равнодушным, значит, важен для общественного бытия. Но споры во имя споров, установка на многословие и тотальную рекламу одной-единственной точки зрения вряд ли продуктивны. А часто и совершенно вредны. Так как искажают историческую правду, превращая нашу реальную историю в мифологию, в мифотворчество, в некую художественную реконструкцию.

Звание дипломанта конкурса. **Каюшкин Дмитрий Владимирович** – Родился в 1966 г. в Бийске Алтайского края. Окончил Уссурийское суворовское училище и Тихоокеанское высшее военно-морское училище им. С.О. Макарова. Офицер запаса. Работал в оборонной промышленности, корреспондентом районной газеты. Публиковался в журналах, альманахах, коллективных сборниках России. Автор нескольких книг прозы. Член СПР, руководитель бийского городского отделения АКОО СПР. Живёт в г. Бийске.

Подземелье мечты

Торопливо спускаюсь по Чернышевского и… замираю. Передо мной – шумный проспект в несколько полос, закатанный в асфальт и бетон. Там, где некогда в патриархальной тишине и покое прогуливались по набережной редкие прохожие, да порой допотопная колымага, заплутавшая в переулках старой Казани, громыхала по разбитой дороге, сейчас «летит» нескончаемый поток машин, заставляя растерянно отпрянуть назад. Оцепенение медленно спадает. Уже различаю где-то впереди, за чередой диковинно извитых опор с развесистыми гроздями шаров-фонарей, до боли знакомый парапет с литыми чугунными решётками, ограждающий русло именитой древней протоки с гордым названием «Булак».

Слева, вдоль некогда родной и близкой сердцу Право-Булачной, ещё мелькают кирпичные останки дворовых пролётов. Может, за ними сохранился и наш двор?

Вот же он! Вторые ворота от угла. Отбрасывая ложную скромность, ускоряюсь до бега. Но, разочарования преследуют и здесь. На месте бывших домов и построек – стоянка авто, ряды машин

протянулась далеко, вплоть до Баумана. Глаза быстро-быстро моргают, скрывая подступающие слёзы. Почти полвека прошло с той благолепной поры... В ароматах сирени утопает маленький уютный дворик, под ногами – бесчисленные стаи воркующих голубей… А впрочем, разве в наших силах что-либо изменить? И нужно ли…

Спроси у продвинутых казанских дошколят из достопамятных семидесятых, кто такой Муса Джалиль, каждый восхищённо с придыханием мог бы немало рассказать о героической судьбе великого сына своей страны. Воин, участник антифашистского подполья, узник концлагерей, поэт… Некоторые даже кое-что знали о Маобитской тетради. Пусть мы по малолетству и не читали его стихов, но едва услышав имя героя, перед нашими глазами сразу представляли скульптуру на гранитном постаменте перед Спасской башней Казанского кремля… Гордо вскинутая голова, пронзительный волевой взгляд, обнажённое по пояс мощное рельефное тело, разрывающее путы из колючей проволоки... Для нас – пяти-шестилетних мальчишек, образ героя стал собирательным. Именно такими и представляли мы бойцов, преисполненных силы, мужества, несокрушимости, отстоявших Родину в годы Великой Отечественной войны и сломивших хребет фашизму.

Хоть война и была уже где-то далеко, в какой-то другой, неизведанной нами реальности, но в начале семидесятых её отголоски, её дыхание мы ощущали повсеместно. В наполненных печалью и любовью глубоких глазах бабы Зины, когда она прижимала меня к себе и, вместо того, чтобы пожурить за очередную шалость, ласково проводила шершавой тёплой рукой по моим пшеничным волосам и повторяла сквозь слёзы: «Ну вылитый дед»… В «горячих» впечатляющих рассказах отца о героическом пути моего деда – фронтового разведчика… В более чем скромном убранстве подвальной комнатушки напротив Никольского собора, единственное оконце которой, прямо под потолком, выходило на Баумана вровень с тротуаром. В этих «хоромах» продолжала ютиться вся многочисленная семья моей второй бабушки – Шуры, всю войну простоявшей на сборке снарядов. Минует ещё пара лет, и на пятерых они получат благоустроенную двушку в новострое и расстанутся с трущобами. А мой одногодка – двоюродный брат Серёжка – наконец-то поменяет старый сундук, годами служащий ему спальным местом, на обычную подростковую кровать и забудет о жестоких приступах астмы, вызванной вечно тяжёлым и сырым подвальным воздухом.

Войну помнили, о ней говорили вслух, спорили, иногда безуспешно пытались забыть… Ветераны, забивающие «козла» звучными ударами костяшек домино, по вечерам, во дворе. Многие из них ещё полные сил и здоровья, суровые на вид, в то же время добродушные и приветливые, чаще уже успевшие принять на грудь. Мы, ловя каждое слово и впитывая, словно губка, очередную геройскую байку или фронтовую историю, без устали ненавязчиво крутились возле «стариков», не отрывая восторженного ребяческого взгляда от ордена «Красной звезды» или медали «За отвагу» на мятых и лоснящихся от времени лацканах пиджаков, давно вышедших из моды… Своих наград ветераны не скрывали, хоть и рассказывали о них скупо, осторожно, неторопливо подбирая слова, будто по крупицам восстанавливая в памяти события минувшей войны. Уже тогда мы начинали понимать, что для этой сдержанности и немногословности есть какая-то веская, доселе непонятная нам, причина. Опустошённая седыми доминошниками очередная «заначенная» чекушка беленькой, бывало, несколько развязывала их языки. Вот тут-то и начинались громкие откровенные разговоры, иногда непримиримые яростные споры. Воспоминания лились потоком…

По вечерам баба Зина усаживала меня на колени, и мы вдвоём увлечённо перебирали фотокарточки с запечатлённым на них дедом. Вот фото с фронта, 1943-й, на нём дед в шинели с новыми лейтенантскими погонами, только что полученными после окончания курсов «Выстрел». Лицо усталое, осунувшееся, но глаза едва заметно улыбаются и подмигивают, будто пытаются успокоить близких и развеять тревожные думы. На другом, после войны – он уже на первомайской демонстрации на улице Баумана, среди шумной толпы, реющих флагов, транспарантов – весёлый, гордый, с разбросанными ветром непослушными волосами, в небрежно распахнутом пиджаке. На лацкане орден Александра Невского, под ним Гвардейский значок. А вот мой дед на Булаке, вместе

с бабушкой Зиной, моим отцом, друзьями и соседями по двору, облокотясь на перила, что-то увлечённо рассказывает, показывает рукой, чувствуется, что заводила и душа компании. В том самом распахнутом пиджаке с орденом на груди. По словам отца, дед никогда не снимал награду с пиджака, искренне гордился ею и оставил в память о себе не один десяток рассказанных фронтовых историй, как курьёзных, так и героических.

В последние годы мне доводилось читать немало воспоминаний, в которых авторы настаивали на том, что многие из прошедших горнило войны, вроде как, стеснялись своих наград, держали их в закрытых шкатулках, никогда не доставали и не носили на груди. Тем более старались не говорить о прошлом. И это была принципиальная позиция ветеранов. Возможно, у таких авторов и есть основания для подобных строк. Но в моей памяти навечно сохранилось иное…

Любой из нас считал за честь сфотографироваться рядом с монументом поэту-герою. Благо, возможностей хватало. Свадебные процессии по выходным, нескончаемый поток туристов, и где-то сбоку от группы позирующих или из-за спины новобрачных – чумазая шкодливая мордочка, моя или Костькина. Вот только добраться втихушку до памятника, сбежав из-под неуклонного надзора бабушки Зины, и заодно поглазеть на белые стены Кремля и его башни доводилось нечасто. А всего лишь и надо, выскочить со двора на Правобулачную, тут же нырнуть в переулок на Чернышевского и через несколько десятков метров в горку – уже на Баумана. А там до Кремля и вовсе рукой подать. Припуститься бегом, и через пять минут – на месте.

Хотя, без заминки не обойтись. Первое препятствие – мороженщица и её волшебный холодильный прилавок, наполненный вкусностями. Прямо на тротуаре, на перекрестие Чернышевского и Баумана. Причём, почти ежедневно. Здесь и проходила та самая красная линия, за которую нам ни ногой. Лакомились мороженным нечасто. Вот ежели сегодня фруктовое по семь – девять копеек, значица, повезло. Баба Зина поворчит-поворчит, но денежкой снабдит. А если пломбир в бумажном стаканчике за 12, или, вафельный чуть дороже, то остаётся лишь облизываться. Что уж говорить о сказочном эскимо за 22 копейки, остающемся за пределами самых смелых мечтаний! Но «морожка» в шоколадной глазури и в те времена слыла редкостным деликатесом.

Второе препятствие размещалось тут же, в кондитерской на перекрёстке. Ох, и любили мы поглазеть на витрины. А там… Ну прямо сказка! Не та «Сказка», что и сейчас с тёмной начинкой да в праздничной блестящей обёртке. Сказочная страна! Можно часами стоять и любоваться содержимым под стеклом прилавка. Что мы с Костькой частенько и делали. Для меня верхом мечтаний был «Кара-Кум» по 6 рубликов за кило. А Костька всё не мог насмотреться на крупную конфету с непонятным загадочным названием «Моко»…

Существовала ещё причина, по которой рисковый побег со двора иной раз прерывался, так и не достигнув конечной цели. В качестве виновника в подобных случаях выступал заурядный проливной дождь. Впервые вместе с Костькой мы неслись на всех парах по Баумана, наперегонки шлепая сандалетами по бесчисленным лужам, норовя собрать все до единой. Вот тут-то и выяснилось, что прервать наш дерзновенный «полёт» оказалось под силу встречным ручьям дождевой воды по мостовой. Вдоль проезжей части, прижимаясь к тротуарному бордюру, ручейки сбивались в бурный поток. Заворожённые водной стихией мы резко тормозили, а после хватали, что попадётся под руку, будь то щепка, обломок ветки, даже обыкновенная спичка… И вот уже каждый из нас внаклонку запускал свой «кораблик» и бежал вспять следом за ним по тротуару в надежде обогнать «каравеллы» таких же увлечённых мореходов, выскакивающих из соседних дворов и на ходу подтягивающих короткие штанишки…

Дальняя часть нашего двора заканчивалась сплошными стенами из грязно-гранатового кирпича, то ли крашеного в незапамятные времена, то ли естественной архаической расцветки. У этих стен ютились такие же ветхие деревянные сараюшки с обыденной житейской рухлядью и

незамысловатым скарбом. Что скрывалось за толщей реликтовых стен, оставалось для нас, неугомонной дошколярной пацанвы, неразрешимой загадкой. Сколько ни всматривайся, цепкий мальчишеский взгляд не выхватывал в стенах ни окон, ни проёмов, ни даже заколоченных дверей или чердачных люков на крыше. Нет, все эти «глазницы», наверняка, существовали, прячась за трубы, пристрои, или смотрели в сторону других дворов и даже выходили на главную казанскую артерию – улицу Баумана, но нашему взгляду были недоступны.

Самым продвинутым в познании дворовых тайн оказался Костька. «Хоромы» его семейства размещались в чердачном помещении на уровне третьего этажа, прямо под крышей, оттуда и обзор шире и прилегающие крыши, словно на ладони. И даже колокольня Богоявленского собора будто рядом. Казалось, перескочи с кровли на кровлю – и ты уже у стен храма. В Костькину квартиру вела ветхая вечно шатающаяся крутая лестница. Впрочем, для самого Кости и его моложавых родителей преодолеть её не составляло особого труда. А вот моей любимой бабушке Зине приходилось долго зазывать меня домой, опираясь на подгнившие перила в самом низу, и протяжно с требовательными нотками в голосе потягивая: «Ми-и-тя, внучок, обе-е-дать». На что мы с Костькой, дурачась, фыркали и забивались с головой под ватное одеяло на панцирной койке и, глупо похохатывая, дружно вспоминали, как только что прямо из поварёшки хлебали наваристые щи, оставленные Костькиными родителями на плите. При беззаботной непоседливости и шаловливости, соответствующей возрасту, бабу Зину мы обожали всей душой и старались особо не доставлять ей неприятностей.

Возвращаясь к загадочным стенам и не менее таинственным пустотам, скрывающимся за толщей кирпичей, нам оставалось лишь фантазировать и выкладывать среди всех троих собственные догадки. Трое – это, конечно же, мы. Ну, перво дело – я с Костькой – неразлучные друзья-соседи, можно сказать коренные жители двора, да Виталик, одногодок, временно квартирующий с матерью в пристрое напротив моего подъезда. Баба Зина ласково называла Виталика татарчонком. Пусть татарчонок и татарчонок, нас это как-то не волновало и не задевало. Главное, пацан свойский, и завсегда с нами. И ладно, что малорослик, да к тому же круглый и пухлощёкий, зато безобидный и башковитый. Витальке повезло, у него мамка – учителка. Она не только переживала за него, но и за всех нас. «И как это вы в первый класс пойдёте, не зная алфавита?» – приговаривала тётя Фая, по выходным настырно усаживая неразлучную троицу за азбуку. В свои пять с хвостиком мы с Костькой гордились умением читать по слогам. И здесь заслуга мамы Фаи была неоспоримой. Виталик нас лишь подначивал, пробегаясь глазами по страницам «Вечернего Татарстана» и внятно вслух читая передовицы.

Пройдёт год, и в очередной мой приезд в Казань, в преддверие первого класса, мама Фая сделает нам троим царский подарок. Как-то раз, загнав нас домой с улицы и рассадив вокруг стола, она с трудом положила в центр что-то массивное, неимоверно тяжкое, обёрнутое бумагой. Под обёрткой скрывались три толстых вручную переплетённых книги газетного формата. Откинув одну из обложек, мы прочитали слегка потускневший заголовок – «Пионерская правда». Да, внутри были годовые подшивки детско-юношеской газеты из пятидесятых. Каждый из троицы получил в подарок по рукотворному фолианту. Мне досталась подшивка за 1954 год. И по сей день я бережно храню незабываемый презент. А напечатанную на последних страницах номеров приключенческо-детективную повесть «Над Тиссой», впервые прочитанную в переплёте многолетней давности, помню чуть ли не наизусть.

По поводу «коренного жителя» я, конечно, несколько приврал. Виталька и тот, благодаря своей национальности и месту проживания, имел куда более прав называться таковым. Ну а я, исконный сибиряк, и не гнушался причислять себя к урождённым казанцам. Мало того, что все ближайшие предки из столицы Татарии, так ещё каждое лето, а бывало и последующие месяцы до самой зимы моё пребывание в Казани утверждало право завсегдатая двора. Ещё бы, с Костькой – не разлей вода, Виталька – пришлый во дворе, а больше-то никого из ровесников и даже близких по годам. Весь

двор – наша вотчина, и мы здесь не только местные, но и «хозяева»! Кому как не нам знать всю явную и тайную подноготную двора.

Чтобы снять недомолвки, постараюсь уточнить, что двор – это вовсе не какое-то абстрактное пространство, зажатое или вольготно раскинувшееся между домами. Казанские дворы вдоль берегов Булака – это особенные территории. Некогда на Право-Булачной и Лево-Булачной проживали в большинстве своём зажиточные купеческие семьи и дома они строили себе под стать – богатые, вычурные, с глиняной лепниной и архитектурным орнаментом из кирпича. В годы Советской власти дома реквизировали, комнаты и залы разделили перегородками, плотно заселили рабочими и служащими. А вдоль улиц появились вереницы дворовых арок для проезда автотранспорта. Со временем от лепнины остались одни воспоминания, архитектурные художества местами рассыпались и обвалились, а стены домов ежегодно подновлялись известью. Вот так и получилось, что с учётом плотной застройки стык-в-стык за дворовыми арками оказались полностью замкнутые территории, исключающие любое пограничье с лицевыми фасадами соседних домов, за исключением «своих», смотрящих и имеющих выход внутрь двора…

Детская память цепко фиксирует, казалось бы, даже незначительные бытовые мелочи. Ну понятно дело – помойка в дальнем углу, без неё не обойтись. Огромный деревянный ящик в известковой побелке, с откидной крышкой, под ним выгребная яма, куда ежедневно выплёскивали помои все жители двора. Нужник, тут же, рядом. Вот только не надо никакого «фи». Удобства во дворе являлись обыденными для того времени.

Дома по периметру двора – в основном в два, изредка в три этажа и опять без удобств. К тому же ещё и темень непроглядная в длинных узких коридорах. То ли из-за дефицита осветительных средств, то ли из экономии. Зажмурив глаза от страха, я старался быстрее проскочить мрачную узкость после лестницы и ткнуться наощупь в родную дверь. Перед этим, как правило, налететь коленкой на сундук, стоящий в коридоре едва ли не вечность, с неизвестной целью. Будучи наполненным неведомо каким хламом, старый сундук не имел своего хозяина, но в самом верху, под крышкой, всегда лежал холщовый мешочек с остатками хлеба – заплесневелого, застарелого. Соседи по этажу заботливо откладывали вышедший из употребления хлеб в мешочек, а после любой желающий крошил и скармливал кусочки и корочки голубям, зазывая несметные стаи во двор настойчиво-притягательным – «гули-гули».

Махонькая однушка бабы Зины свободным пространством не баловала, впрочем, как и остальные квартиры в доме. Тесная прихожая, отделённая от комнаты занавеской, тут же, справа, выгородка два на два, одновременно сочетающая в себе функции кухни и кладовой, с рукомойником на стене и отхожим ведром под ним. В гостиной – именно так, а не иначе, называла свои «апартаменты» баба Зина – массивный платяной шкаф из почерневшего от времени дерева, кухонный буфет, напротив кровать-полуторка с высокой периной… Круглый стол у окна, занимающий половину комнаты… Пара шагов вдоль, чуть меньше поперёк…

Сейчас, по прошествии лет, понимаешь, что даже довольствуясь малым, люди умели быть счастливыми. Правильно, нет ли, и насколько это утверждение соответствует истине, можно спорить бесконечно. Но мне – мальцу из далёкой Сибири – отнюдь не избалованному роскошью бытия, а, точнее, даже не знакомому с ней, комната бабы Зины казалась образцом уюта и комфорта. Скорее, внутреннего, ощущаемого на подсознательном уровне. Так бывает, когда дитя чувствует теплоту и защиту матери, и эта аура окутывает его, окружает со всех сторон. Сбросить обувку на пороге и тут же прыжком взлететь на мягкую высоко подбитую перину. Затаившись, зарыться в подушках, ожидая строгого и одновременно с нотками нежности окрика бабушки Зины: «Эко, неуёмный, вот деда на тебя нет!» А дед всегда рядом, его портрет над кроватью, в рамочке, на нём дед в тужурке,

застёгнутой под самое горло, моложавый дерзкий красавец, с необыкновенно добрыми глазами, в которых играют едва заметные смешливые искринки.

И уже после пить чай, из блюдечка, прихлёбывая, вприкуску с рафинадом, колотым на кусочки…

Звание дипломанта конкурса. **Синицкий Геннадий Николаевич –** родился в 1973 году. Член Союза писателей России, Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», член литературно-художественного клуба «Шкатулка».

Победитель (дипломант) нашего конкурса 2020 и 2021. Живёт в городе Невель Псковской области.

Афганистан. Начало

(воспоминания, отрывок)

…Прервав отпуск, я с супругой Татьяной и ребёнком отправились в Термез – самый южный город Узбекистана.

…Мы догадывались о причинах столь срочного вызова. На приграничной территории обстановка была неспокойной уже несколько месяцев, если быть точным, то с июля 1979 года, когда в части стали поступать разношёрстные призывники середины лета. Они проходили ускоренный курс молодого бойца и принимали присягу уже в конце августа. В дивизию прибывало вооружение, личный состав, техника. Хайратон принимал самолёты с авиабомбами. Шло накопление арсенала. Всё это было неспроста. Да и поезд, на котором мы ехали, после остановки в Волгограде, стал постоянно задерживаться на промежуточных станциях, пропуская на юг воинские эшелоны.

Термез был напрочь забит военными. Личный состав ходил по улицам с боевым оружием – неслыханное дело по тем временам. Нам всё стало ясно – будет война.

…Ворота части были распахнуты настежь. На плацу летали бумажки. Вокруг ни единой души. И эта гнетущая тишина рождала в груди тревожное беспокойство за наше непонятное будущее.

В здании КПП послышался храп спящего человека. Это был начфин Уктам Ака, узбек по национальности, его предупредили, что я приеду. Он и сообщим нам, что весь личный состав дивизии выдвинулся на полигон в Учкызыл, располагавшийся в семнадцати километрах от Термеза.

Меня же терзала мысль – куда определить семью. Отправились в гостиницу, но там ответили, что у них генералы в коридорах квартируют, всё забито до отказа. Делать нечего, пришлось вернуться в часть. Комнаты, а тем более квартиры у меня тогда не было, я жил в каптёрке расположения роты, поэтому говорю своей Татьяне: «Давайте вещи в руки и на поезд, поедете назад, война начинается». В этот момент к КПП подъехал ЗИЛ, на котором приехал старшина моей роты, за продуктами для батальона. Он с семьёй снимал небольшую комнату в городе и предложил моих определить туда же. У него жена и двое детей ютились на десяти квадратных метрах, а теперь к ним добавилось ещё двое. Через несколько месяцев командование выделит нам трёхкомнатную квартиру на две семьи (делите, как хотите, называется), а пока пришлось довольствоваться этим, и я со спокойным сердцем отправился в полк.

К моему прибытию состав роты был уже укомплектован на 100%, но самое смешное было в том, что это были «партизаны» – резервисты, пребывавшие в запасе, и учётные воинские специальности у них были: контролер, контролер КПП и т. п. То есть, это были военнослужащие внутренних войск, которые охраняли тюремные зоны и которые вообще не имели представления о пехоте. Главное их преимущество было в том, что они были мусульманами (узбеки, таджики, киргизы) и понимали язык населения сопредельного государства.

Время «Ч» было назначено на 15 часов 25 декабря 1979 года. Кстати, в армии не говорят ноль-ноль, поэтому, когда я смотрю фильмы или читаю книги и нахожу такое выражение, то с огромной иронией понимаю, что автор дилетант и ничего не знает о службе в армии.

Накануне всем военнослужащим выплатили денежное довольствие за два месяца вперёд. Такие приличные деньги мне были ни к чему, а семье надо было на что-то жить, и я решил отвезти их в Термез супруге. Когда сослуживцы узнали, что я еду в город, то решили передать со мной деньги своим родным. Но денег оказалось настолько много, что их попросту невозможно было распихать по карманам. Пришлось взять каску и складывать наличность в неё ворохом. Сюда же кидали записки с суммами и адресами родных. Мне дали водителя на санитарной машине, и под вечер мы уже были в Термезе, но оказалось, что мой водитель родом из какого-то местного кишлака и совершенно не знает города, да и я изучить его ещё не успел, так как был переведён сюда несколько месяцев назад из Германии. Когда мы с горем пополам отыскали пару адресов, я понял, что мне

понадобиться недели две, чтобы развести деньги по семьям сослуживцев. В час ночи мы нашли дом, где проживала моя Татьяна с дочкой. Естественно в это время все уже спали. Пришлось лезть через забор и стучаться в дверь пока не разбудишь. Я передал женщинам деньги с записками и адресами, и сказал: «Девчонки, поступайте, как хотите. Хотите, ищите всех, а хотите, оставьте деньги себе – война всё спишет». До утра мы сидели на крыльце, разговаривали. Собственно вот так и попрощались.

В нескольких километрах от Термеза стоял наполовину построенный мост через Амударью. В его продолжение были сооружены понтоны, по которым мы и входили в Афганистан. Первые потери наших солдат были здесь, на этой переправе. В авангарде колонны шла боевая разведывательно-дозорная машина (БРДМ), под ней сорвало один из понтонов, и вместе с экипажем машина ушла на дно реки, причём довольно быстро. Чтобы избежать подобные потери личного состава, командование вызвало речные буксиры, которые упёрлись своими носами в мост и держали составные части понтонов, пока по ним шли наши войска. За буксирами ещё такие огромные буруны были – впечатляло. Рота, которой я командовал, была в передовом отряде 180-го полка, и переправилась на афганский берег только в 18 часов. Кстати, совсем забыл сказать, в нашем округе не было понтонов, и первоначально, войска собирались переправлять на баржах, но когда посчитали, что дивизия переправится на тот берег только через неделю (что лишало смысл операции), то вызвали понтонно-мостовой полк откуда-то из Сибирского военного округа (или из другого – не помню). В общем, по первоначальному плану, мы должны были входить в Афганистан ещё до 20-го декабря, но так как у нас не было понтонов, командованию пришлось менять сроки ввода.

Неразбериха в начале войны всегда присутствует. Перед входом, боеприпасы были уложены в магазины, но магазины находились в ящиках, а те лежали на БМП. Боеприпасы раздавать бойцам? Немая сцена. Через полчаса приходит ответ: да, боеприпасы раздать. Хорошо, раздали. Рота маленькая, но в роте 36 пистолетов: офицеры, прапорщики, механики-водители, пулемётчики – все должны быть с пистолетами. Пистолеты раздавать? Опять немая сцена, и опять через полчаса приходит команда – раздать. Теперь гранаты. Что делать с гранатами? Никто не знает. Опять запрашиваем командование. И опять через полчаса приходит команда – раздать. И так далее по всем пунктам, то есть чувствовалось — собрались воевать.

А самое смешное, что буквально за полчаса до входа на мост, приходит указание: срочно сдать списки военнослужащих в трёх экземплярах: Ф.И.О., год рождения, кто – откуда и т.д., с указанием номера военного билета и указанием номера боевого оружия. Как? Вот как это можно успеть сделать за 30 минут? Я думал, дня два будем писать, ведь писаря в роте нет, печатной машинки тоже нет. Ну, ладно, разорвали тетрадь в 96 листов, раздали по отделениям, где каждый боец своим почерком написал требуемые данные. Собрали воедино. Отнёс командиру батальона. Сдал. В итоге, как оказалось, эти списки вообще никому нужны не были, делалось так, для галочки. Мы должны были их сдать пограничникам, чтобы у них были данные – сколько вошло, с каким видом оружия и т. д. Но, оказалось, что пограничникам эти списки – ни к селу, ни к городу. Когда мы подошли к границе, около пограничного столба, перед контрольно-следовой полосой, которую мы попросту раздавили, на табуретке сидел пограничник в звании капитана. То ли он был с перепоя, то ли жара на него так подействовала – я так и не понял, но он дремал. Я потрепал его за плечо и спросил: «Куда списки?», он очнулся, взял бумаги, повертел их в руках и бросил под свою табуретку.

Входили на афганский берег – начинало темнеть. Не прошли и километра, как первое, что мы увидели это движущуюся нам на встречу странную машину. Передок у неё был от ЗИЛа, а кузов из дерева. Причём кузов раза в два был выше кабины. Он был весь расписан яркими красками. На нём висели картины с разными птицами, цепочки, зеркальца, фонарики, кисточки и всё это так гремело, что мои бойцы прозвали данное чудо техники – бурубухайка. Так это название впоследствии и прижилось. Таких машин было очень много, а самое интересное, что те, кто был в Афганистане,

могли встречать и такую картину: салон пассажирского автобуса полностью набит овцами, а народ висит на окнах или сидит на крыше.

Ну, так вот, когда мы встретили свою первую бурубухайку, командир машины Шура Балобежин говорит мне: «Командир, цирк едет». Отвечаю: «Понятно, страна интересная». Спустя некоторое время встречаем ещё одну бурубухайку. Теперь уже я говорю Шуре: «Ещё один цирк?» Он отвечает: «Наверное, отстала от первой». Но, когда мы встретили третью и четвёртую похожие машины, то поняли, что они здесь все бурубухайки.

Всю ночь мы шли маршем до Пули–Хумри, где встали на дневной и ночной отдых. Впереди был перевал Саланг. Мою роту поставили в боевое охранение, и нам пришлось окапываться. Тут произошла интересная история. Часть колонны попала на хлопковое поле, а часть – на сухой ручей и горы. БМП в котором я находился, пришлось окапывать в каменисто-песчаном грунте. Нам надо было сделать укрытие для машины, построить командно-наблюдательный пункт роты и вырыть отход сообщение. Когда мы втроём (я, командир машины и механик водитель) всё это сделали, то свалились как подкошенные. И вот, лежим на бугре, руки все в мозолях, а Шура и говорит:

– Командир, я заканчивал учебку, а там такой сержант был… Думал, приду из армии, поймаю его и буду целый день бить ему морду. А теперь думаю, приду, куплю ящик коньяка и пока он его весь не выпьет – я от него не отойду, за то, что так научил меня копать окопы.

Следующую ночь мы шли через Саланг. Лишь утром вышли из туннеля и тут я глянул вниз – мамочка родная! Внизу лежало множество таких маленьких машинок, словно муравьи. Стало не на шутку страшно – не приведи господь сорваться (впоследствии мне пришлось проходить через перевал девять раз).
27 числа мы подошли к Кабулу. Слева виднелся аэродром и наши самолёты, спуск, и уже внизу лежала столица Афганистана. Здесь мы и заночевали. Утром 28-го декабря я получил задачу выйти на Газнийскую дорогу и поменять там десантников. У дороги стоял афганский танковый батальон Т-55. Нам предстояло его охранять, чтобы они не вздумали часом выступить против наших войск. Рассредоточились. Через некоторое время к нам подошёл старший лейтенант, который был советником при замполите афганского батальона. Представился. Я ему говорю:

– Слушай, если вы заведёте машины, то у меня приказ – жечь танки. Но, мы ведь оба понимаем, что дюжина БМП не сможет им что-либо противопоставить. Вы нас за две минуты раздавите.

– Не переживайте. Бойки с пушек и затворы пулемётов мы уже давно сняли. Всё под контролем. Вам надо познакомиться с ними, прийти в гости, чтобы я вас представил офицерам.

Ну, раз надо так надо идти. Вопрос к кому? Друзья они или враги – мы не знаем.

– Ну, что, Шура, пошли в гости. Возьми из сухпайка пять банок тушёнки – с пустыми руками идти нельзя. И вот ещё что – мне руки в карманах держать нельзя – это не уважение, поэтому, бери гранату в левую руку, вынимай чеку и держи её в кармане. Автоматы не берём, у нас пистолеты есть, но держим их в кобурах.

Пришли. Познакомились с офицерами. Некоторые из них даже по-русски слова знали. Афганцы накрыли стол и поставили «кишмишовку» – самогон из изюма, достали пару бутылок бренди местного разлива. Чокнулись, выпили по рюмке. Я достал наши консервы, открыл. Угостились. Понравилось. Выпили по второй, третьей. Всё нормально. И тут, один из афганцев сощурился, что-то начал рассматривать на столе, окинул нас колючим взглядом и бегом на улицу. Повисла пауза недоумения… Слышим – блюёт. Через пару минут офицер зашёл. Вытирая ладонью рот обжог нас взглядом, потом посмотрел на своих, что-то сказал им и те, как ужаленные, выскочили в тот же миг

из помещения. Мы остались вдвоём с советником. На улице были слышны рвотные позывы хозяев стола. Начавшееся праздное настроение улетучилось и стало как-то не по себе. Спрашиваю:

– Что случилось?

– Не знаю. Что-то им плохо стало.

Мы взглянули на банки – может, какая просрочена? И увидели, что на одной из них осталась этикетка, а там красуется такая маленькая, розовая голова свиньи. Стало далеко не до смеха. Пришлось быстро убирать свинину со стола. К нашему удивлению, когда афганцы вернулись, то ничего нам не сказали. Забегая вперёд, скажу, что я с ними потом крепко подружился. Хорошие ребята оказались! Ну, а чтобы исправить получившийся конфуз, я пригласил этих офицеров–танкистов к нам в расположение, на встречу Нового – 1980 года.

Пригласить-то пригласил, но вот куда? У нас ведь даже палаток не было. Обустраивались, кто как мог. Я к комбату – надо палатка, гостей встречать, чтоб не стыдно было.

31 декабря привезли мне палатку и печку, а земля-то уже промёрзшая была, кругом камень – куда её поставить? Кое-как растянули, привалили края камнями. Печка задымила во все щели, внутри стоял сизый дым, хоть топор вешай. Это надо было видеть.

Пришли два афганца. Что им подарить? Надо же не опростоволоситься и чтобы к месту, на долгую память, закрепить интернациональную дружбу. Решение нашлось. Нам, буквально, на днях выдали новые меховые шлемофоны, очень хорошие и тёплые. Как от сердца отрывали! Но, ведь и подарок должен быть дорогой – восток дело тонкое. Ну, вот, значит одному – командиру танковой роты Абдул Маджору, я подарил шлемофон и флакон «Шипра», а другому – начальнику штаба Абдул Вахиту, достались шлемофон и цветные карандаши (пузырька парфюма больше не оказалось). Смотрим, а у них какое-то недовольство между собой начинается, заспорили. Я даже нашего переводчика вызвал, чтобы понять, о чём разговор. Оказывается, одеколон это очень ценная вещь! И даже шлемофон не надо. Пришлось срочно искать что-то похожее по всей роте. Нашли. У взводного Морозова был маленький и к тому же, начатый флакончик «Гвоздики». Добавили туда немного воды. Подарили обделённому начштаба и всё сразу как-то устаканилось. Весёлые ребята! А какие наивные – просто нет слов. Где-то, через неделю после Нового года они пришли ко мне в гости. Мы уже обжились тогда. Мне основательно закрепили палатку, а солдаты для себя нашли кирпич-сырец, поставили трёхстенок, накрыли брезентом и печку туда. Ну, так вот, стоят эти двое передо мной и сияют, как новые рубли. Столько радости принесла им покупка чёрных, как смоль, кроличьих шапок, что плотно сидели на их головах. Они были очень довольны тем, что приобрели их по дешевке, по 100 рублей за штуку. Когда я увидел на болтавшихся бирках цену – 9 рублей 60 копеек, мне пришлось приложить немало усилий, чтобы не расстроить своих афганских друзей раскатистым смехом.

Ночью все проснулись от грохота выстрелов. Выбежав из палатки, я увидел напротив КПП танкового батальона горящий Т-34. Вдали виднелось ещё два пылающих объекта, но что там пылало, разобрать было невозможно. Я своим:

– К бою!

Прыгнув в машину на командирское место, включаю ТПКУ (танковый прибор командирский управления) и вижу, что по перекрёстку бегают какие-то люди. Выстрелов нет, но поднялась суматоха, народ мечется туда-сюда. Командую Шуре:

– Кумулятивный! – и тут же снаряд пошёл с контейнера в ствол, – Готово!

Командую механику: «Заводи!» – а в ответ тишина. Огляделись, а механика то нет. Как так?

– Шура, где Букаев?

– Да хрен его знает. Бежали к машине вместе.

– Что будем делать?

– Давай я на место механика, – вылезаю из БМП, – Букаев! – кричу, – Букаев, мать твою!

И тут из темноты выходит наш механик с пистолетом в руке.

– Ты где был? – спрашиваю на крик.

А он мне в ответ:

– Аааа я подумал, что сейчас всё равно нашу машину из танка сожгут, чего всем сразу погибать, так хоть я останусь, похороню вас.

– Садись на место, паразит! – командую Букаеву, – а сам в душе смеюсь – киргиз бляха, ну что с него взять.

– Заводи!

Мотор мигом взревел. Шура кричит:

– Командир, что делать?

– Стоять и ждать! Надо оценить обстановку.

Пытаюсь выйти на связь с полком. Тишина. Ночь, понимаешь ли. Я в открытый эфир:

– Кто меня слышит? Кто слышит? Срочно выйти на связь! Бой! У нас бой! Отзовитесь.

Ответил какой-то боец из первого батальона:

– Что там у вас?

– Срочно связаться с полком! Командиру полка – на газнийской дороге идёт бой!

– Шура, берём автоматы, гранаты и в разведку, пёхом.

Не доходя метров пятьдесят до перекрёстка – выпускаю ракету. Стоящие там люди вскинули автоматы:

– Дреш! (команда стой – по-афгански)

Остановились. Ждём. И вдруг голос советника танкового батальона:
– Командир, ты?

Отвечаю: «Я»

– Подходи.

Подошли, смотрим. Стоят бойцы–танкисты и ещё какие-то непонятные военные. Тут же оружие на земле валяется, но немного. Спрашиваю:

– Что случилось?

– Да, хрен знает, – отвечает советник, – какая-то танковая колонна пошла ночью на Кабул. Мы срочно поставили бойки, прицелы на три танка. Три выстрела, и как по науке: первый, последний и посередине. Горят, а колонна стоит, стреляй как в тире. Пленные ничего сказать не могут. Не знают – зачем, куда и почему пошли ночью.

Уже потом, на утро, нам объясняло командование, что они, якобы, шли в Кабул на ремонт. А вот почему решили ночью отремонтировать целый батальон Т-34 ответить не смогли.

Как там дальше с ними было – не знаю, другие разбирались. Их развернули, а нам пришлось убирать подбитые тридцатьчетвёрки с дороги, ведь афганцам, которых мы охраняли, было запрещено заводить танки. Ох, и намаялись мы тогда. Я-то по своей наивности думал, что это не сложно. Т-34 весит 28 тонн, а моя БМП почти четырнадцать. Сдвинуть на нейтрале можно, но надо знать как! Мы все крюки на машинах оборвали, пока нам не подсказали, что сцепление у Т-34 выключается только при включенном двигателе. А как их завести, если они подбитые? В итоге, пригнали откуда-то тягач, он их и убрал.

Вот так, вкратце, и прошли наши первые дни. Впереди были долгие месяцы постоянной боевой готовности, сопряжённые с участием в рейдах, зачистках, переходах и прочих спецоперациях…

Добавить комментарий

Комментарии